

Анна Гёр | роман-исповедь

Я не сдамся
дамасская сталь

книга первая

Анна Гер

**Я не сдамся. Дамасская
сталь. Книга первая**

«Автор-Онлайн»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2=411ю2)64-44

Гер А.

Я не сдамся. Дамасская сталь. Книга первая / А. Гер — «Автор-Онлайн», 2018

ISBN 978-5-6042058-6-0

«Я не сдамся!» – первая часть биографического романа психолога Анны Гер. Доверительностью изложения книга напоминает дневник, так откровенно она написана. Но это не только рассказ о судьбе, это анализ минувших событий с профессиональной точки зрения. На собственном примере автор демонстрирует психологические аспекты управления жизнью. Внимательный читатель оценит художественные достоинства книги и исследовательский талант Анны Гер.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2=411ю2)64-44

ISBN 978-5-6042058-6-0

© Гер А., 2018
© Автор-Онлайн, 2018

Содержание

Эта книга стала для меня вызовом	5
Благодаря этой книге я научилась узнавать и понимать себя	6
Глава 1. Лихие девяностые	7
Глава 2. Новая жизнь	18
Глава 3. Новые законы	29
Глава 4. Идущие сквозь ад	37
Глава 5. Предательство без срока давности	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анна Гер

Я не сдамся! Дамасская сталь

Книга первая

Эта книга стала для меня вызовом
Рассказывает фотограф Кристина Томашевская

СМОГУ ЛИ я выразить историю в одной фотографии? Как передать основную мысль, как абстрагироваться от эмоций, которые захлестывают после каждой главы? Для меня было важно высказаться, не навязав своего мнения читателю, чтобы не задавать тон, противоречащий авторскому. Каждая фотография – это симбиоз фоторепортажа без следа авторства и моих эмоций как читателя.

По мере погружения в книгу я все больше чувствовала свое соучастие в событиях, о которых только слышала, о которых старшее поколение старается ничего не говорить. Когда это время показывают в кино, то все кажется не таким реальным. Особенно в сравнении с рассказом человека, которого ты знаешь лично.

Некоторые главы давались мне особенно тяжело, эти истории были шоком. Мне было необходимо время, чтобы успокоить нахлынувшие эмоции и сделать фото, не выражая своего личного отношения к героям. Постараться передать идею. Я делала снимки для книги на протяжении двух лет.

Работа над фотографиями к книге была похожа на собирание пазла, только «картинки», что я собираю, у меня не было. Я делала фото для художественного произведения в то время, когда автор работал над его текстом. Эта книга рождалась при мне, можно и так сказать. Анна присылала мне главу и, после её прочтения, я приступала к визуализации своих впечатлений. Процесс был очень увлекательным. Я читала историю, рождались ассоциации, я их изучала, выбрав несколько, углублялась в тему, исследовала.

Как, например, с главой «Пока ты жив, шанс есть всегда». Прочитав текст, я поняла, что он напоминает мне шахматную доску с фигурами, где все связаны: и чёрные, и белые, и короли, и пешки. Изучив различные шахматные партии, я поняла, что на фото будет Королевский гамбит – один из самых острых и сложных дебютов. Но при этом Королевский гамбит – романтическое направление в шахматах, т. е. любовь к комбинациям и жертвам с первых ходов.

Одна из самых любимых фотографий к этой книге – кадр к главе «Да! Я профи!» Он не такой зловещий, как некоторые другие... Подготовка к съемке была долгой. Образ разрабатывался тщательно, до мелочей: место, модель, винтажный кожаный портфель, прическа, макияж, мимика, модели, характер движений. Что получилось – увидит читатель: силуэт женщины, поднимающейся вверх. Все выше и выше, несмотря ни на что.

И так – глава за главой, интригующие истории и новые открытия. Где я только ни была и что только ни снимала! Надгробия, погоня за воронами, глаза, наполненные слезами, ритмичные танцы в ночном клубе, гопники и леди в старинном здании. Эта книга – водоворот событий, который засасывает с головой.

Благодаря этой книге я научилась узнавать и понимать себя

Рассказ художника-иллюстратора Марины Глазковой

ПРАВДА ЛИ, что когда человек чего-то очень сильно хочет, то обстоятельства складываются так, чтобы подвести его к осуществлению этого желания? В тот апрельский день я об этом не думала, но буквально жаждала участвовать в крупном серьезном проекте. Телефон пропиликал, уведомляя меня о новом сообщении, от первых слов которого у меня задрожали руки. Психолог Анна Гер написала мне, что ей нравится мое видение мира и предлагала сотрудничество. Вот он – долгожданный проект! Моё желание осуществлялось, оно буквально лежало у меня на ладони, подсвечиваясь экраном смартфона. Было страшно соглашаться, не читая книгу, но я решила доверять себе и Анне. Тогда я не подозревала, что эта книга станет для меня путеводителем к самой себе.

С первой главы стало очевидно, что это не просто роман, это пронзительное откровение с психотерапевтическим эффектом. Моей задачей как иллюстратора было создание оригинальных визуальных метафор, поиск ярких образов для передачи прямого и скрытого смысла текста. Анна дала мне полную свободу в выражении моих впечатлений. Она назвала это Сотворчеством.

Очень скоро я «подсела» на книгу. Она цепляла своей неудобной правдивостью, пробуждала эмоции и поднимала со дна души то, что требовало осмысления. Я читала об Анне, а понимала о себе. Именно поэтому я долго не могла найти точные образы прочитанного, пытаюсь не «примешивать» к иллюстрациям свои чувства.

С книгой я провела целый год и в течение всего этого года менялась, узнавая себя, проживая заново личные события, которые когда-то сформировали меня как личность. Вместе со мной менялись мои иллюстрации, ведь художник может изобразить только то, что есть в нем самом.

Одна глава далась мне особенно трудно, она послужила спусковым крючком для моих непрожитых переживаний и эмоций. Это шестая глава «Предательство без срока давности». Как можно нарисовать предательство? С каким образом оно ассоциируется? Я думаю, для каждого из нас у предательства свое лицо. Поэтому я изобразила состояние Анны: брошенные на землю очки, в которых отражается душа героини, с обращенными к небу руками, сложенными в молитве. И дорога, как символ бесконечной игры, уходящая за горизонт, в знак того, что путь еще не закончен.

Благодаря книге я научилась узнавать и глубже понимать себя, слышать свое сердце и видеть свою будущую жизнь.

Я уверена, что каждый читатель найдет в книге созвучное именно ему откровение, которое прольет свет на произошедшее в его жизни ранее или на происходящее сейчас. Отвечая на вопрос, который я задала в самом начале, хочется сказать: «Да, когда мы чего-то хотим, то оказываемся в самых идеальных обстоятельствах, чтобы это осуществить! Но чтобы там оказаться, надо быть готовым пробиться „сквозь тернии к звездам“!»

Глава 1. Лихие девяностые

СТРАННО, что мы не придаем должного значения и тем более не хотим осмыслить время, которое называем «лихие девяностые». А ведь оно было ужасно во всех смыслах. Это было с нами и одновременно не с нами. Как у Райкина: «Тут помню, а тут не помню». Десять лет нравственной катастрофы мы прячем в тайниках нашей памяти и боимся говорить об этом даже с самыми близкими людьми.

Мои «лихие девяностые» начались в конце мая 1991 года, когда в один из вечеров я заскочила на полчаса к своей подруге Светлане. Позже к нам присоединилась ее приятельница Оля. Мы говорили о предстоящем отдыхе, и Светлана меня спросила:

– Аня, а ты куда-нибудь поедешь?

Я работала в школе учителем математики, приближались летние каникулы.

– Да нет, буду дома.

– Вот, Оля, у людей отпуск – так отпуск, – с улыбкой сказала она, обращаясь к своей приятельнице. – Два месяца, да ещё и летом... Аня, а ты не хочешь подработать?

Неожиданный вопрос Оли застал меня врасплох. Не обращая внимание на мой недоуменный взгляд в сторону Светланы, она продолжала:

– А что? Работа неделя через неделю, зарплата за месяц семьсот рублей. И подзаработать сможешь, и отдохнуть успеешь. У меня продавец хочет ребенка на море отвезти, я не против, но нужна замена.

Оля не была моей подругой, она дружила со Светой. Но так как мы пару раз пересекались у Светланы за чашкой чая, то я знала, что у Оли свой павильон в Москве, в котором торгуют импортной одеждой и обувью.

– Не знаю, – с сомнением ответила я и пожала плечами, а потом добавила, – но я подумаю...

Смысл подумать был. Я могла заработать в два раза больше, чем получала в школе. Мои триста рублей считались очень хорошей зарплатой, так как в среднем человек с высшим образованием зарабатывал около ста пятидесяти. Столько зарабатывали и учителя, кроме преподавателей математики и русского языка. Им была гарантирована полная ставка, восемнадцать часов, шли надбавки за классное руководство, проверку тетрадей, за прикрепленный кабинет, и еще у нас всегда были сверхурочные часы. Учителя математики заменяли заболевших коллег не только на своих уроках, но и на физике, черчении. Так что математики чувствовали себя в школе на высоких позициях и уверенно отстаивали свое мнение на педсоветах.

Правду сказать, это было время, когда люди с высшим образованием не котиrowались. Уважаемыми в обществе были заведующие магазинов, продавцы и мясники. У них были все «ресурсы»: еда, одежда, мебель, книги. Всё доставалось из-под полы и по блату. В те годы деньги интересовали людей далеко не в первую очередь. Рубли на мясо было у всех, а вот мяса на всех не хватало. На прилавках в неограниченном количестве лежали только суповые наборы, а бескостное мясо продавали «в одни руки» (то есть одному человеку) не больше полкило. Да, чуть не забыла, еще нужно было отстоять в очереди несколько часов. Из сегодняшнего дня это выглядит, как полный трэш.

Мой муж умел заводить нужные знакомства. Мы дружили и с семьей мясника, и с семьей завмага, жили, как говорят сейчас, в прослойке «среднего класса». Но тогда таких понятий не было, мы были интеллигенцией, но не бедной, а средней, с хорошими связями и перспективой.

Честно, я бы на предложение поработать во время отпуска не клюнула, но мне очень хотелось иметь сапоги-ботфорты. Они вошли в моду весной и стоили семьсот пятьдесят рублей: высокие, черные, замшевые – последний писк! Я о них мечтала, но купить их можно было только на черном рынке. В нашем поселке такой был и считался самым крутым в Подмосковье. По субботам у нас было гарантированное развлечение – сходить на черный рынок и посмотреть, какие красивые вещи бывают в жизни. Там покупали одежду некоторые мои знакомые, но особой зависти у меня к ним не было. Я сама, прибалтийская штучка, из семьи, где мама завбазой, а папа моряк заграничавания. Одета всегда была не только достойно, но и с претензией на стиль. Однако ботфортов у меня не было. Оставалось лишь по субботам ходить на рынок и «облизываться» на вожаделенные сапожки.

«Отпуск два месяца. Можно заработать на ботфорты, и еще останется на что-то полезное», – размышляла я про себя. И, наконец, приняла решение уговорить мужа и получить согласие на моё участие в этом авантюрном мероприятии.

Почему авантюрное? Потому что это был первый павильон на Выхино. Кто живет в Москве, знает, что это одно из мест, откуда начиналась рыночная экономика страны. Павильон – это уже не черный рынок, тут всё официально. Вещи привозились из-за границы, такие даже в магазине из-под полы не купишь. И это не государственное, а личное, индивидуальное. Хозяин сам решает, что будет продавать, какую цену назначать. Это было мегакруто, такого еще не было! Мы ведь воспитывались на Маяковском: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй». А тут буржуйский павильон!

Надо сказать, что я с детства любила торговлю. Играла в магазин, выписывала чеки и устраивала во дворе с подружками бойкую продажу булочек «понарошку». В старших классах вместо уроков труда мы ходили в производственный центр – приобретали профессию. Я выбрала специальность «продавец продуктовых товаров». Это сейчас все унифицировано, а раньше профессии продавца учили: как фасовать товар, как делать выкладку, как и почему необходимо соблюдать товарное соседство, как оформлять витрины и так далее. Летнюю практику мы проходили в магазине. И вообще, я была неглупой девочкой, понимала, где лучше в дальнейшем работать, чтобы пользоваться благами жизни. Но мама была против торгового образования. Она слишком хорошо представляла все риски, связанные с этой профессией.

Я все это рассказываю потому, что мне хочется объяснить: пойти работать продавцом во время отпуска не было для меня каторгой или унижением. Наоборот, я словно прикасалась к детской мечте, могла получить удовольствие да ещё и замшевые ботфорты!

Два месяца работы закончились быстро, пришло время возвращаться в школу. Но в стране уже начался развал, стало заметным разделение на уровни жизни. Идея нести в массы доброе и вечное – хорошее дело, но встал вопрос материальной заинтересованности. Мне не просто предложили остаться работать продавцом. Я так хорошо работала (продажи в мою смену увеличились на порядок), что мне предложили к основному окладу в триста пятьдесят рублей за неделю хороший процент от выручки. При всем моем уважении к учительской профессии я выбрала работать меньше, а получать в четыре раза больше. И не ошиблась! Через год этот разрыв увеличился десятикратно.

Мы не понимали, что вокруг происходит. Может, возраст был такой, что свои дела казались гораздо важнее и интереснее, чем то, что происходит в стране. Да и приучены мы были к коллективному «одобрямс», осознавали, что от нас ничего не зависит. Сейчас часто вспоминают переворот ГКЧП и танки в Москве... Я помню этот день. Действительно, по всем телевизионным каналам начали показывать «Лебединое озеро». Как сейчас принято говорить, всем жителям страны был дан сигнал. Я лично подумала, что кто-то опять умер. Члены Президиума ЦК КПСС часто умирали – они ведь были все старенькие и еле разговаривали.

Это был мой первый день недельной смены. Я спокойно выложила товар, уже началась торговля, и тут приезжает хозяйка Оля.

– Ань, представляешь, люди говорят, что в центре по улицам ездят танки!

Как вы думаете, что мы сделали?

Да просто посмеялись над такой нелепицей. У нас было занятие поинтереснее, чем думать о сплетнях про танки – Оля привезла новую партию китайских курток из тонкой кожи. Это был очень ходовой товар: кожаные куртки разлетались, как жареные семечки, по пять-семь штук в день.

Казалось, можно было бы сесть в метро и всё увидеть своими глазами – историю, которая меняет твою жизнь. Но у нас даже мысли такой не появилось! Я думаю, что более-менее правду о том дне я узнала лет через десять, не раньше. Во всяком случае, в моей голове все соединилось в единое целое: тот день, показ архивной хроники по телевизору и разоблачительные передачи. Возвращаясь мыслями в день переворота, я хочу сказать: если бы у меня и хватило дурачества поехать посмотреть на танки, я всё равно ничего бы не поняла. Кто, с кем, зачем, почему?...

В моем окружении об этом не говорили. И это может показаться странным, ведь мы жили совсем недалеко от Москвы, всего в семнадцати километрах от Красной площади. Многие работали в государственных учреждениях, молодежь общалась со взрослыми. Мы могли бы интересоваться, что творится у нас под носом. Но нет. Мы не думали о политике. Переворот был чем-то далеким, не относящимся к нашей жизни. Сегодня Брежнев, завтра Андропов, послезавтра Горбачев. Какая разница? Самое главное, что мы строим коммунизм. Представляете, я по-настоящему верила в девиз: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Увы, как нагло ввалили нам тогда, так нагло врут и до сих пор! Разные слова, но смысл тот же. В оправдание это чудовищной лжи могу сказать, что когда изучала римское право (мое второе образование), то узнала, что все современное английское право, а значит и американское, основано на римском. Российское право тоже имеет много отсылок к римскому праву. А значит, законы, которые были актуальны две тысячи лет до нашей эры, актуальны и сегодня. Человечество не изменилось: то же воровство, прелюбодеяние, захват имущества, убийство, драки. И что такое сто лет вранья по сравнению с тысячелетиями?

«Римское право», кстати, я сдала на пятерку, но, если честно, сильно расстроилась. Преподавательница была умная и очень строгая, списывать на экзамене не позволяла, так что мы учили и в теме разбирались глубоко и детально. Вот и я разобралась... Потому и расстроилась... Что в древнем Риме, что в современной России – одна и та же фигня, хоть и летаем на самолетах и пользуемся интернетом. Даже в далеком будущем сложно представить мир без лжи и насилия. Достаточно посмотреть любой фантастический фильм: в киберпространстве кибермозгами с помощью кибероружия убиваем киберпреступников, а проститутки как стояли у фонаря, так и стоят; простые люди как ставили чайник на конфорку, так и ставят.

Но пора вернуться в начало девяностых. В павильоне я проработала около двух лет. Для меня это было самое хорошее время. Оля меня как работника ценила. Меня любили и покупатели – как хорошего продавца. Мне нравилось продавать красивые вещи, которых нет в других магазинах, и конечно, зарплата. Дух свободы уже витал в воздухе, а проникнуться им легче с полным карманом наличности.

Кому-то покажется странным, что человек с университетским образованием может быть счастлив, работая в палатке продавцом. Но молодым учителям, на самом деле, было очень тяжело работать в школе. Мы задыхались в затхлом школьном пространстве, где правила диктовали догматичные и консервативные педагоги со стажем.

Вспоминается, как меня не пускали на работу из-за внешнего вида. В первый раз за то, что пришла на работу в юбке выше колен. Завуч встретила меня на пороге школы и отправила домой переодеваться. Это в сельской-то школе, где я вела математику в классах с четвертого по девятый. Раньше было такое правило – молодые специалисты, окончив вуз, три года должны были отработать «по распределению». Решение, куда ехать выпускнику, принимала государственная комиссия и, к сожалению, в основном, молодёжь отправляли в колхозы, туда, где ощущалась острая нехватка рабочих кадров. Деваться было некуда, это не обсуждалось. Раньше я никогда не была в деревне, а тут пришлось не только жить, но и работать в деревенской глуши. До сих пор считаю эти годы пустыми, вычеркнутыми из моей жизни...

Так вот, мне двадцать два года, характер бунтарский, готова перевернуть весь мир, а тут – мода на мини. Я взяла старый кожаный плащ и сшила себе наимоднейшую юбку для поездки в Москву по профсоюзной путевке. Восхищенные взгляды московских парней и количество кавалеров на танцполе дали мне понять, что я в тренде. И после поездки я в этой юбке пришла на работу. На пороге школы меня встретила завуч – старая карга, злая на весь свет от одиночества и безысходности. Что поделать, в двадцать с небольшим сорокалетние женщины кажется старухами... И она меня отправила домой переодеваться, так как считала, что учителю недопустимо ходить в короткой юбке (хотя юбка-то была всего на пять сантиметров выше колен – все в рамках приличия). В виде протеста я в тот день на работу не вернулась, и мне было не страшно, что уволят. Молодых специалистов нельзя было наказывать или увольнять. А мы так жаждали увольнения! Мы бы бежали из этих колхозов и деревень – только пятки сверкали!

На следующий день я пришла на работу, как всегда, в строгом костюме, а все девочки из девятого и десятого классов пришли в мини. Я у них в тот день вела курс «Этика и психология семейной жизни», и они вот таким образом высказали свое отношение к моему конфликту с завучем. Школа была хоть и десятилетка, но с одним классом в параллели. Учеников в каждом классе было человек восемь-двенадцать, так что новости через пять минут облетали всю школу. Поэтому, уже на первой перемене все старшеклассники знали, что меня не пустили на уроки за неподобающий внешний вид.

Это было смелое решение – доверить молоденькой учительнице преподавать «Этику семейной жизни». Директор потом сильно пожалел, что поручил мне вести такой предмет. Я учила девочек макияжу, общению с мальчиками, поведению на дискотеках. Парням рассказы-

вала, как ухаживать за девушками, приглашать их на свидания, и что вообще это за существа – девочки. Я даже ввела отдельное преподавание: одну неделю – урок для мальчиков, другую неделю – для девочек. Разрешила анонимно предлагать темы для обсуждения: ребятам, которые стеснялись говорить об интимных вещах, удобнее было задавать вопросы письменно, пользуясь специальным конвертом. Это был очень интересный опыт, но и поволноваться тоже пришлось. Иногда были такие уроки «Этики», что я, отвечая на анонимные вопросы, краснела больше, чем мои ученики.

Вместо того, чтобы лгать и лицемерить на темы «Семья – ячейка общества» и «Интересы государства выше личных интересов», я им рассказывала про нежелательную беременность, менструацию, о том, нужно ли предохраняться и как это делать. Школьников, особенно мальчиков, это очень интересовало – ведь нигде не было никакой информации ни о чем! А подростки в деревнях намного раньше своих городских сверстников сталкивались с вопросами секса. Открытый флирт, похоть, совокупления – всё это они видели в непосредственной близости: на фермах, в поле, во дворах и в своих домах. Ну а как иначе? Изба в одну комнату, от четырёх до десяти детей в каждой семье, отец каждый вечер с бутылкой самогонки в обнимку, мать, бывает, тоже не отстаёт. Дети с малых лет видели, откуда что берётся.

Мои любимые четвероклашки первое время, выяснив, что я далека от сельской жизни, надо мной прикалывались. Помню, принесли в школу вазелин, и самый хулиганистый малыш спрашивает меня, громко так:

– А вы знаете, зачем вазелин зимой?

Все ухмыляются и ждут моей реакции. А я не в теме...

– Ну, – говорю, – конечно, знаю. Им надо руки мазать перед выходом на улицу, чтобы кожа не трескалась.

Класс радостно смеётся и ждёт продолжения.

– Да не-е-ет! – поучает меня мой сопливый наставник. – Это коровам титьки мазать, чтоб при дойке соски не трескались!

Ох и долго ж они меня в таком духе просвещали...

Ещё у нас был с ними ритуал. В начале урока я заходила в класс, вставала у доски, так, чтобы всем меня хорошо было видно и несколько минут молчала. Ждала, давая им возможность спокойно меня разглядеть. Кому-то было плохо видно, так они высовывали головки в проходы между партами. Деревенским ребятам была в новинку моя городская одежда, причёска, ведь я была та ещё модница. Поэтому они просто разглядывали меня: сверху вниз, снизу вверх. Им было интересно все: и лаковые туфли, и тонкие капроновые колготки, и необычные фасоны платьев. Что удивительно, каждый день, восхищенно и с любопытством, мои ученики смотрели на меня так, будто видели в первый раз.

Конечно, такое непосредственное поведение могли себе позволить только младшие школьники, ребята постарше этого не делали. А малышата... Да, рассматривали. Сначала я как-то пыталась их приструнить, но они так трогательно на меня смотрели, что я сдалась: заходила в класс, мы здоровались, они садились, я занимала свое место в проходе, и наступал наш ежедневный ритуал. Налюбовавшись на свою учительницу, они успокаивались, и мы начинали урок. Если их впечатлял какой-нибудь игривый шейный платочек или сочетание платья и обуви, то самые хулиганистые ученики класса подмигиванием и одобрительными жестами высказывали общее мнение класса. Может, в эти минуты я и вела себя не как самый строгий педагог, но ученики меня любили и уважали. И это было взаимно.

Я верила, что можно учить детей так, что им будет интересно даже на уроках математики. Моя фантазия меня выручала, да и энергия была ключом. Часто сравнение результатов обучения было не в пользу моих коллег – педагогов со стажем. Вот за это меня и не жаловали.

В следующий раз за внешний вид меня отправили домой уже из другого учебного заведения. Я работала в большой подмосковной школе завучем по воспитательной части. Начинались

летние каникулы, до моего отпуска оставалась всего пара недель, и я сделала себе «мокрую химию». И сейчас можно встретить девушек с такими прическами – средних размеров кудряшки по всей длине волос, упругие и блестящие, как после душа. Волосы у меня были густые, роскошные, длина ниже плеч – с модной причёской я выглядела классно. Гордилась собой, ведь ради красоты пошла на известный риск: в парикмахерских всё делалось «на коленке», составы химичили сами мастера, смешивали ингредиенты на глазок, двигаясь путем проб и ошибок. Хороший результат не был гарантирован. Поэтому парикмахеры экспериментировали только с проверенными клиентами, которые (если волосы, например, вылезут или станут зеленого цвета) бежать к заведующей и писать жалобу не будут. Так что «мокрая химия» полагалась самым проверенным и рисковым девчонкам. Бонусом шли завистливые взгляды женщин и повышенное внимание мужчин.

Уже не помню с каким вопросом я зашла в кабинет к директрисе. Она увидела меня с новой прической и от возмущения начала покрываться красными пятнами. Несколько минут она молчала, багровела, выражая своё недовольство одним только взглядом. Но потом не выдержала и, не стесняясь в выражениях, обрушила на меня весь свой праведный гнев. Наверное, директор полагала, что отстаивает нравственные ценности школы, отчитывая меня за «безобразие» и «распущенность». Она ещё что-то там несла про истину, которую несут в мир педагоги, но я уже не слушала... Я вышла из кабинета – меня в приказном порядке отправили в туалет, чтобы «...расчесать все это безобразие и сделать приличную причёску!»

В представлении нашей директрисы «прилично» – это гладко зачесать волосы и сделать «гульку». Помните этот классический образ учительницы в старых кинофильмах, с волосами, стянутыми в скрученный, аккуратно закрепленный шпильками, пучок? К сожалению, я не могла себе позволить хлопнуть дверью и уйти домой – это уже была не сельская школа, здесь могли наказать. Поэтому в туалете я старательно расчесала волосы, но сделала ещё хуже – причёска превратилась в копну. Взглянув на себя в зеркало, я поняла, что превратилась в подобие Анджели Дэвис (только волосы у меня были раза в два длиннее). Со слезами я побрела в кабинет директрисы, нарвалась на новый скандал и была отправлена теперь уже домой. В спину мне летели слова про то, «как мне не стыдно», «а ещё перспективный молодой завуч», про воспитательную работу и чуждые советскому человеку новомодные западные веяния.

В общем, завучем в школе я проработала недолго. Не подошла по идейным соображениям. Воспитательная часть – дело ответственное; чтобы все правила были соблюдены, нужно вступить в партию, коммунистическую, одну на всех (в то время у нас в стране была однопартийная система). Если человек стремился к карьерному росту, без членства в партии было не обойтись. Меня пригласили в ГОРОНО и провели воспитательную беседу. Тут такая оказия: им нужны молодые кадры, а у меня маячит перспектива быстрой карьеры. Предполагалось, что я побегу писать заявление о вступлении в кандидаты. Коммунистом, как оказалось, стать не так-то просто, нужно было заслужить честь попасть в ряды передовых членов общества. Ну а я отказалась, решила, что рановато мне быть идейной. Коммунист, как и монах, должен быть без грешков и подавать всем пример. Мне же хотелось просто хорошо работать, а после работы носить короткие юбки и джинсы в обlipку. После моего отказа вступить в партийные ряды меня мягко и спокойно «убрали» с должности завуча и перевели в другую школу учителем математики.

Там у меня тоже произошел казус. Был субботник, и я пришла в водолазке, через которую – о, боже! – слегка просвечивал бюстгальтер. Мне папа привез парочку таких водолазок из тонкой лайкры. Он же поделился наблюдением, что за границей вещи из тонкого трикотажа носят без нижнего белья. Но я на такое не решилась... Впрочем, директор школы посчитал, что бюстгальтер ситуацию не спасает – меня с позором отправили домой со школьного субботника за неподобающий внешний вид. Сейчас смешно об этом говорить, а ведь прошло с того времени всего каких-то двадцать лет...

Молодая учительница на работе должна была выглядеть, как Старуха Шапокляк: строгий костюм, блузка простого покроя, туфли на среднем каблуке, гладкая неприметная прическа

и минимум макияжа. Так же, как ко внешнему виду, в школе относились и к современным веяниям. Все живое, современное, оригинальное давилось на корню.

Помню, как-то раз меня «разбирали» на педсовете. Был один класс из разряда «трудных»: собралась критическая масса хулиганов, они срывали уроки, отравляя жизнь и молодым специалистам, и опытным педагогам. Не раз и не два учителя прибегали в учительскую в слезах и истерике. У меня же – тишь да благодать на уроках. Это вызывало подозрение моих коллег и руководства, мне стали предъявлять претензии: «Почему у вас они уроки не срывают? Может, вы им потакаете? Не берёте ли вы „четверки“ и „пятерки“ с потолка?» Они не могли понять, что я еще жива, у меня огонь в груди горит. Я к урокам по три часа готовлюсь: карточки, викторины, специальные упражнения. Все заняты, все пыхтят. Все просто: дай двоечнику задачу в таком виде, чтобы он обязательно ее решил, да еще у доски ответил и хорошую оценку получил у всех на глазах – он себя уважает и следующую сам примется решать. А отличнику дай задачку из умного математического журнала – ему ведь вызов нужен. Пусть корпит над решением, пока мы с троечниками у доски поработаем. И хулиганистых всех – на первые парты, поближе к себе, чтоб тихонечко подсказать, если что, да и на виду пусть будут, не мешает.

Мое личное убеждение, что школьная программа была составлена так, чтобы все могли учиться на «4». Но для учителя это предполагало вдумчивую работу и индивидуальный подход. А кому это нужно? Легче орать на уроках и истерики закатывать в учительской. Я хочу сказать: не срывают уроки учителям, с которыми детям интересно. Даже если тема нудная, все равно можно что-то придумать, чтоб у ребят глазки загорелись. И у моих подруг, которых я уважала, как профессионалов, уроки не срывали. Они с нами, эти детки, хоть в огонь, хоть в воду лезли. А моя подруга Ирина, тоже математик, учеников привечала даже у себя дома. Я очень этому удивлялась. Как ни зайдешь, толпа – и бывшие, и нынешние – одни уходят, другие приходят. Думаете, кто-то из этих учителей, которых так любили дети, сейчас работает в школе? Нет. Кто-то из них был обласкан педсоветом? Как же! Выговор на выговоре. Самые сложные классы, самые плохие кабинеты. И вопросы на педсоветах:

- За что они вас любят?
- Вы им потакаете?
- Вы им даете списывать?
- Вы хорошие отметки просто так им рисуете?
- Нет! Мы просто их уважаем и хотим быть хорошими учителями!

Нас не очень любили коллеги и руководство. Увы, на нашем уровне им не всегда было комфортно.

Ну вот, я вам вкратце рассказала, почему мне не было жаль расставаться со школой. Но скучала я по этой работе очень долго. Вернуться в школу не представлялось возможным: учительская зарплата стала мизерной, в школе оставались те, кому было страшно уходить в неизвестность, или те, кто приспособился оставлять учеников после уроков за дополнительное вознаграждение. Когда я работала в школе, с детьми занимались после уроков бесплатно: если ребенок болел и его надо было подтянуть; если он не понял на уроке; если не справился с контрольной. Честно-честно, оставались после уроков и занимались. Если ребенок болел, приходили домой к ученику раз в неделю. Бесплатно. Это негласное правило входило в должностные обязанности учителя, это было нормально.

Есть вопросы, которые меня, как бывшего педагога, беспокоят. Например, раньше (по медицинским нормам) ребенку не положено было тратить на домашнюю работу в совокупности больше трёх часов в день. Готовясь к урокам, я должна была сама прорешать все, что задам на дом, и посчитать – на домашку выделялось не больше сорока пяти минут. Столько же времени – на домашнее задание по русскому языку, на остальные предметы отводилось гораздо меньше минут. То же самое касалось и расписания уроков. Оно составлялось таким образом,

чтобы ребенку хватало времени и на отдых, и на досуг, и на уроки три часа оставалось. Почему сейчас дети по шесть-восемь часов сидят над домашкой?! Гробится здоровье, большая часть знаний никому не нужна. В современном мире нужно учить детей думать, анализировать, принимать самостоятельные решения. А оказывается, в этом никто не заинтересован! Нам ещё придется отвечать на вопросы детей, но, боюсь, ответов у нас нет.

Как и говорила, после летних каникул я не вернулась в школу, на семейном совете приняв решение остаться работать продавцом в павильоне. Это был самый первый павильон около метро «Выхино», рядом с ним была только палатка «Ремонт ключей». Территория вокруг подземных переходов и входа в метро «Выхино» считалась бойким местом. Крупный продуктовый фермерский рынок. Автобусная станция с междугородними маршрутами. Железнодорожная станция с пригородными электричками. С утра до позднего вечера огромные массы людей проходили, ждали своих рейсов, приезжали, уезжали. Вот в таких людных местах в начале девяностых и начали разворачиваться организованные развлечения, в народе называемые «лохотрон».

Я вам расскажу про игру в «наперстки». Молодой мужчина предлагает идущему мимо человеку выиграть энную сумму денег. Прохожий, не желая рисковать, задерживается на пару минут – только посмотреть. На асфальте стоят три маленьких, размером чуть больше наперстка, перевернутых вверх дном три деревянных или металлических (главное – непрозрачных) стаканчика. Ведущий игры берет кубик (игральную кость), кладет на асфальт и накрывает кубик одним из стаканчиков. Затем очень быстро, двумя руками, меняет стаканчики местами. Надо угадать, под каким из них кубик.

На кон игры ставилось, например, по пять рублей – и от игрока, и от ведущего. Если игрок угадал, под каким стаканчиком кубик, ему отдавали выигрыш в десять рублей. Если он не угадал, то проигрывал свои пять рублей. Ему сразу же предлагали отыгаться, но ставка увеличивалась в два раза. Во второй раз на кон ставили уже по десять рублей. С каждой игрой ставка удваивалась, соответственно увеличивался и выигрыш.

В чем подвох?...

На самом деле, это только кажется, что в игре двое – зазывала и ведущий. На самом деле игроков сопровождает хорошо организованная группа численностью от восьми до пятнадцати человек. Есть специалист по наперсткам – матерый игрок. Вероятнее всего, свое мастерство он не один год оттачивал в тюрьме. Двое-трое (в зависимости от размера всей группы) – сильные, накачанные молодые ребята. Они обеспечивают безопасность, прикрывая членов группы и устраивая, по мере надобности, драку или дебош. Остальные в группе – массовка со строгим распределением ролей: зеваки-простые граждане; зеваки-люди более солидные; азартный и удачливый работяга; выигрывающий человек среднего достатка; житель пригорода; молодая девушка; пожилая матрона; супружеская пара. Группой руководит вожак. Он не светится, стоит в стороне, наблюдая за всем происходящим. В его обязанности входит организовать «точку», договориться с ментами, заплатить им мзду в конце дня, защитить место от посягательств других группировок. Вожак держит своих в ежовых рукавицах, ну и конечно, распределяет между ними прибыль. Продюсер и импресарио в одном лице.

Бывает театр одного актера. Здесь был театр для одного зрителя. Спектакль начинался с создания ажиотажа. Ведущий с «подставной уткой» начинали громко и азартно играть-выигрывать. Массовка создавала толпу, громко комментируя игру, кто-то делал вид, что ждёт своей очереди поиграть. Важно было создать впечатление живого интереса к игре, но одновременно сканировать прохожих и уже остановившихся зевак. В зависимости от того, как выглядит и к какому классу принадлежит готовый поиграть человек, его визави из массовки начинает ярко проявлять интерес к игре, громко говоря правильные слова и фразы, созвучные и привычные потенциальной жертве.

И вот пойман взгляд, установлен зрительный контакт. Глаза в глаза, улыбки, жесты – если все получилось и сработано грамотно, то жертва из потенциальной превращается в настоящую. Прохожему кажется, что он подошёл «только посмотреть». Это «посмотреть» будет стоить человеку всей его наличности в кошельке, золотых украшений и, если он уж очень азартен, то и домашних сбережений, так как некоторые ювелирные украшения нужно вернуть обратно любой ценой, например, обручальное кольцо или памятный подарок.

Как только «любопытный» заходил в толпу, массовка начинала потихоньку его проталкивать поближе к играющим, одновременно активно обсуждая с ним процесс игры. В это же время у того, кто играл со стороны «случайного прохожего», начиналась невероятная удача. Выигрышные суммы начинали увеличиваться сверх всякого воображения. Массовка продолжала заводить и подначивать нашего «любопытного». И человек решался сыграть. Всего один кон, так, на удачу. Три-четыре кона всегда дают выиграть. Если человек хочет закончить игру и забрать выигранное, его уговаривают на ещё один раз, последний. Ведь у него сегодня такой удачный день! На кону уже такая крупная сумма денег!! О, как сегодня ему везет!!! И человек решается на ещё один кон, последний. Всё. Везение сразу заканчивается. Этот кон проигрышный. Человек начинает расстраиваться – были деньги и уже нет.

Тут же, со всех сторон, ему советуют отыгаться. Этим занимается массовка.

– Ну, это случайность!

– Да щас отыграется!

– Ему так везет! Сегодня точно его день!

Ведущий игры, наоборот, слегка безразличен, как будто и не заинтересован в том, чтобы продолжить игру. Он как будто тоже уверен в случайности происходящего и поэтому не хочет рисковать, понимая, что в следующий раз «везунчик» точно заберет себе джекпот. И вот оно – начало драмы! Отыгаться можно, если поставить на кон столько же, сколько было на кону. Суммы немалые: и сто, и двести рублей. Конечно, люди с собой месячный заработок в кошельке не носят. Но место-то, место! Здесь и командировочные, и приезжие из пригорода закупиться, и пассажиры междугородних автобусов (уже с покупками). На кон идёт всё, что можно перепродать или носить: деньги, кольца, часы, цепочки. Распаленный выигрышем человек в девяносто процентах из ста набирал необходимую сумму, чтобы отыгаться. К этому моменту женская часть массовки начинала потихоньку выходить из толпы. Накачанные ребята, наоборот, заходить в гущу и вставать рядышком с ведущим. Быстрое движение рук, отчаяние проигравшего, попытка мужской части массовки дожать лоха, предложив еще раз отыгаться. Нередко человек, пытаясь вернуть хотя бы то, что уже выложил из кошелька или снял с себя, продолжал играть, увязая в проигрыше больше и больше.

Редко игра заканчивалась спокойно, и проигравший тихо уходил со своим отчаянием. Обычно он пытался забрать свои проигранные деньги или вещи обратно. Но тут вступали в игру молодчики, прикрывая своими телами разбегавшихся товарищей. Мимо проходящие люди начинали разнимать, звать милицию. Специально дежуривший милиционер был в зоне видимости и, если разгоралась нешуточная потасовка, начинал уже свой «выход на сцену». Шел он не спеша, давая время (кому надо) отступить на заранее облюбованные позиции, так что на месте оставался сам проигравший и несколько сердобольных прохожих, которые ничего толком не видели и свидетелями быть не могли. В задачу милиционера входило успокоить сочувствующих, чтобы они пошли опять по своим делам; утихомирить недальновидного гражданина; не дать довести дело до протокола. У купленного мента были свои отточенные фишки, и со своей задачей он справлялся хорошо. В конце смены он получал щедрые комиссионные.

Насколько я знаю, Выхино считалось теплым местечком, и милиционеры за него держались. Были они всегда в хорошем расположении духа, часто шутили, чувствовалось, что довольны жизнью. У вас, наверное, уже на языке вопрос: «А откуда вам-то всё это известно? Вы что, там в массовке подрабатывали?»

Нет. Я тогда не была внутри всей этой жизни. Я всего лишь работала продавцом в палатке. Весь этот многоразовый спектакль ежедневно происходил на моих глазах, как раз напротив больших витринных окон павильона, в котором я работала. Так что за два года я успела рассмотреть все в самых мельчайших подробностях. Ну а о каких-то уже совсем специфических нюансах узнавала, слыша жалобы игроков на трудный неудачный день. Девчата из массовки заходили в палатку каждый день с утра посмотреть на новый привоз, что-то померить и отложить до вечера. Некоторые забежали погреться, стоя в проходе или рассматривая товар. Частенько их главный просил разрешение зайти в примерочную. Он там считал выручку и, наверное, аккуратно раскладывал её по потайным карманам.

Рабочий день у них длился, пока было светло, и чем длиннее был световой день, тем длиннее рабочий, а значит, больше заработок. Обычно я знала, как сложился их день. Легкие деньги надолго в руках не задерживались, к утру их карманы были уже пусты, так что девушки предпочитали часть зарплаты сразу перевести во что-то осязаемое и после «работы» заходили купить себе понравившуюся вещь. Ребята тоже часто делали покупки – всем хотелось красиво и модно одеваться. Я к ним относилась благосклонно, иногда угощала кофе, разрешала все перемерить и отложить понравившиеся вещи. Они были моими постоянными покупателями (по тем временам очень состоятельными), делали мне хорошую выручку, а значит, и высокую зарплату. Мне сразу стало понятно, что «крыша» у жоака игроков и хозяйки павильона одна. Иначе с чего бы это они устраивали игру напротив окон павильона Ольги? И Ольга не возмущалась, когда видела игроков у нас в проходе. Мне вообще кажется, когда все только начиналось, народ договаривался: я буду заниматься коммерцией, а ты крышевать (то есть защищать). Ну как по-другому объяснить, что поначалу все дружили семьями, вместе пили-ели, ходили друг к другу в гости, выезжали на шашлыки?

Но я в те времена об этом не задумывалась. У меня были свои друзья, свое окружение, свой мир. И с «этим», новым, миром он не соприкасался. Я так думала. И ошибалась...

Глава 2. Новая жизнь

СКАЖУ, что не в моем характере быть обычным продавцом, пусть даже и с крутой зарплатой, когда вокруг всё начинает бурлить. Это серьезная внутренняя проблема, с которой я до сих пор не разобралась. Во мне две сильные стороны личности. Одна сторона – та, кем я хочу быть, даже когда у меня ни фига не получается. Другую сторону я долго не признавала, бегала от нее, как от чумы, но, похоже, именно она исподтишка рулила всеми процессами. До поры до времени вторая сторона моей личности была скрыта от моего сознания, когда она проявлялась, я искренне возмущалась её действиям и желаниям. Но именно она сейчас пишет эти строки. Это она имеет смелость быть открытой. Я признала её недавно, примерно год назад и, сдавшись, отдала ей бразды правления.

Так бывает в процессе групповой терапии, когда идет работа с теневыми аспектами личности. Человек предъявляет себя обществу, демонстрируя те черты характера, которые ему нравятся. Но люди видят и его слабые места. Думаешь, что все шито-крыто, а нет, как правило, всем всё про тебя понятно, кроме тебя самой. Помню, в групповой работе «Ты и твоя Тень» меня от злости аж наизнанку выворачивало. Я им про свою слабость, а группа мне про мою силу. Я им про свою холодность, а они мне про мою ранимость. Долго я добиралась до той себя, которая сейчас разговаривает с вами.

Итак, жила-была Аня, двадцати шести лет, замужем вторым браком, с семилетним сыном от первого и с идеальными представлениями о семье. Вот как-то так: в пятьдесят лет я буду под ручку с мужем гулять в парке, в выходные у нас будут гостить дети и внуки, сердечно общаясь на семейных обедах. Мир, дружба, жвачка! Муж – прекрасный принц, любимый до невозможности, сильный, мужественный и сексуальный – обожает жену, заботится о семье. Он похож на Ретта Батлера из «Унесенных ветром», а я – его половинка. Но, как ни странно, не Скарлетт О’Хара, а Мелани. Милая, добрая, мягкая, уступающая и всё понимающая Мелани. Н-да... Так и хочется себе сказать: «Девушка, вы уж как-нибудь с собой договоритесь...»

Дело в том, что практической психологии в те времена не было, мы жили, опираясь на чужой опыт. Взрослые рассказывали нам, как надо поступать, думать, чувствовать. Девиз того времени: «Делай, как я говорю, а не так, как я делаю!» Я была воспитана на примерах из книг, мой идеал – женщина XIX века – романтическая, утонченная, но сильная духом. Вот жены декабристов, они одновременно и нежные, и трепетные, и героические.

Меня удивляло, почему некоторые из моих знакомых (торгашки, жены новых русских – без мозгов, но при деньгах) любят ходить со мной по театрам, ездить в Прибалтику, приглашают на праздники и в рестораны. Я и мужа пытала, он же умный и все понимает: «Почему они хотят со мной дружить? Что между нами общего? Они такие богатые, ухоженные, в мехах и бриллиантах. Они очень красивые и намного моложе своих мужей, а я – продавец в палатке, в прошлом училка по математике».

Теперь-то я знаю, они видели другую Аню, но мной она никоим образом не опознавалась. Ох, что творилось в моей головешке! Я до сих пор разбираюсь в этом...

Я проживала свою жизнь честно.

Я была открыта для людей.

Я прилагала титанические усилия, чтобы со всем справиться.

И я от всей души ошибалась!

**ОКАЗЫВАЕТСЯ, Я ГОРДО, ВО ВСЮ МОЩЬ СВОИХ РАЗВИТЫХ МОЗГОВ
НОСИЛА, НЕ СНИМАЯ, РОЗОВЫЕ ОЧКИ!**

Имейте это в виду. Это правда. Хоть и со слезами на глазах.

Мой социальный мир после того, как я вышла второй раз замуж и переехала из глубинки в Подмосковье, формировался в трёх направлениях: жёны и подруги друзей моего мужа; несколько семейных пар в только что построенном кооперативном доме, куда мы переехали; несколько девочек с работы, то есть учителя.

Новая территория, новая семья, новые друзья, новое время в стране – все новое.

В Подмосковье населенные пункты зачастую располагаются по сторонам от железной дороги, которая веером расходится из центральных железнодорожных вокзалов во все стороны Московской области. Города и поселки городского типа не имеют между собой границ и различаются лишь знаками на дороге и названием станций. Но это только на первый взгляд, когда едешь на электричке, а за окном одни частные дома сменяют другие, перемежаясь невысокими «хрущёвками». На самом деле, населенные пункты отличались между собой статусом своих жителей, а он, в свою очередь, формировался из предыдущей, дореволюционной истории данного места. На статус влияло наличие института, солидного градообразующего предприятия, кто именно жил в домах, кто отдыхал летом на дачах. Если в городке имелся завод, то жителями там были специалисты (в лучшем случае с десятилеткой, а в основном, закончившие ФЗУ или ПТУ), приехавшие из сел, деревень и районных центров. Москвичи пренебрежительно называли их «лимитчики». Сейчас они, уже пообжившись, считают себя коренными и сами презрительно посматривают на вновь приехавших.

Если в поселке или городе располагался научный институт, аэропорт или высокотехнологичный завод, то основная часть жителей была с высшим или техническим образованием. Это чувствовалось по поведению людей, наличию товаров в магазинах, есть ли рестораны, или все ограничивается дешевыми грязными забегаловками. Наш поселок считался одним из самых элитных в Подмосковье, сравнимый по статусу с современной Рублевкой. Мы любили его за сосновый бор, чистый воздух и тишину. Сейчас, конечно, трудно представить, что тогда, из-за обилия зелени, Подмосковье называли «легкими Москвы».

Высокий статус нашего поселка был сформирован серьезной дореволюционной историей. Это было дачное место в сосновом бору как для культурного бомонда Москвы, так и для московской еврейской буржуазии, а ещё для крутых криминальных авторитетов. Странное сочетание. Но все уживались. Евреи еще только начинали собирать чемоданы в Израиль, а с «малиной» криминального мира вообще никто не связывался. Если задуматься, эти социальные прослойки всегда существуют в связке и друг без друга скучают. Самые перспективные, молодые члены одного мира безоглядно влюбляются в самых перспективных, активных членов другого. Шекспировская история про Ромео и Джульетту – это вечная классика!

Есть вероятность, что если бы я не жила именно в этом поселке, то моя жизнь сложилась бы иначе. Но, с одной стороны, этого никто не знает, а с другой – ничего не бывает случайно. Я жила в поселке городского типа, а он, в свою очередь, территориально входил в район города, печально известный как кузница криминальных структур. Через пару лет о наших «бригадах» начали ходить легенды. Единственное упоминание имени одного из авторитетов, живших в нашем поселке, могло решить достаточно серьезные проблемы.

В мою жизнь весь ужас тех лет вошел вполне невинно: моя подруга Кира предложила мне интересную работу, к тому же рядом с домом. И я приняла её предложение... С Кирой меня познакомил муж, сначала это было из серии «нужные связи». Кира заведовала крупным овощным магазином и, естественно, это было «нужное» знакомство – овощи я покупала не полу-сгнившие (только такие и были в открытой продаже), а только что привезенные, свежайшие, они были в подсобке и до прилавка не доходили. Спустя некоторое время мы выяснили, что живем в одном подъезде нашего дома. Эта новостройка тоже многое говорила о социальном статусе жильцов. На тот момент – единственный современный высотный четырехподъездный дом, да еще и кооперативный.

Простые люди в нём не жили, и с любой семьей можно было смело заводить знакомства. Как говорить, не выходя из дома можно было решить практически все житейские вопросы. Если я новенькая, то откуда квартира в таком доме? Отец мужа был известным на всю страну военным летчиком-испытателем, и он купил это жилье для сына и его первой семьи. Мы прожили там около года, потом квартиру пришлось разменять, и мы переехали в однокомнатную «хрущевку». В те времена жить отдельно от родителей, иметь свою квартиру со всеми удобствами – это было очень круто. Я считала себя счастливой женщиной: жить своей семьей, быть хозяйкой, делать так, как считаешь именно ты, без указок и наставлений. Вау!

Кира была всего на пару лет моложе меня, мы быстро сблизились, начали дружить семьями и по вечерам часто забегали друг к другу в гости, попить чаю и поболтать. Мы были совсем разные – и внешне, и внутренне – но своей непохожестью мы, кажется, дополняли друг друга. Кира казалась хрупкой: тонкая изящная фигура, средний рост. Шатенка с карими глазами и правильными чертами лица. Но хрупкость эта была только внешней. У нее был характер, внутренняя сила, жизненная хватка и пламенная страсть к материальным ценностям. Я её называла «наша Коробочка». Она любила золото, меха, драгоценные камни. Кира твердо стояла на ногах, точно зная, что хочет, и добивалась желаемого всеми возможными способами.

Я была на голову её выше, хоть и стройная, но, как говорят, широкая кость. Внешне выглядела более земной, чем Кира: русые волосы, миндалевидные серо-зеленые глаза, крупные черты, серьезное выражение лица. А внутренне – наоборот. Я чувствовала себя зависимой от мужа, мягкой, деликатной, чуткой. Жизнь не всегда казалась мне понятной, совпадающей с миром героев моих любимых романов. Я мечтала, витая в облаках, и не замечала, что творится вокруг. Так получилось, что самые близкие мои подруги были намного ближе к реальности, чем я. Они поддерживали меня, советом или действием, чтобы я окончательно не улетела в красивый мир иллюзий. Иногда, когда у меня случались совсем уж сложные ситуации, они

печально смотрели мне в глаза, не понимая, как я могу, вроде такая умная, не видеть и не понимать очевидных, простых дел, которые творятся прямо у меня под носом.

Как правило, все мои подружки-приятельницы жили или в моем доме, или в соседних. Не в каждой квартире был телефон, а в наш дом его вообще еще не провели, так что было только личное общение и возможность дружить ограничивалась пешей доступностью. В крайнем случае поболтать можно было во время работы, но тогда общение ограничивалось обеденным перерывом. Мир так быстро меняется! Сейчас уже как-то странно, что еще двадцать пять лет назад большинство из нас пользовалось только общественным транспортом, личный автомобиль был редкостью. Работать мы предпочитали недалеко от дома, чтобы можно было легко дойти пешком. Много ли сейчас тех, кто ходит домой на обед?... Мы до работы-то зачастую едем пару часов, а чтобы смотаться туда-обратно, пообедать дома, нечего и думать. Как удивительна мне ТА моя жизнь, представляю, как её воспринимают ровесники сына. А внукам мы, наверное, будем описывать свою жизнь, как сказку: «Жили бабушка и дедушка, не было у них ни телефонов, ни компьютеров, ни интернета, ни игровой приставки PlayStation. Жевательная резинка тогда была редким лакомством, и жевали её деда с бабой одну на двоих. Продуктов было мало, бабушка стояла по три часа в магазине, чтобы купить полкило колбасы. Они не летали на самолетах и никогда не были ни в Италии, ни в Турции». Это будет самая необыкновенная сказка. Какие там драконы в лесу – это вот как раз понять можно. А жизнь без смартфона – это уже запредельно.

Так что там с предложением Киры? Когда все государственное устройство нашей социалистической страны начало разваливаться, появились первые кооперативы, то есть частный бизнес. Папа Киры открыл продуктовую палатку в центре привокзальной площади нашего поселка. Это такое место, маленький пятачок в каждом населенном пункте, где есть выход из перехода, соединяющего платформы пригородных электричек и конечный пункт рейсовых автобусов и такси. Маленький узел связи транспортных потоков. Самое лучшее место для кооперативной торговли. И он предложил своей дочери организовать там весь процесс торговли, благо она закончила Плехановку.

На заре кооперации оптовых баз не было, закупка товара для частных палаток шла через обычные магазины. Но с заднего входа и с оплатой щедрых комиссионных директорам. Завмаг тогда был бог и царь: определял, сколько товара будет спрятано в подсобках; что поставить на продажу «своим»; какой товар нужно попридержать; сколько «выкинуть» в торговый зал. Именно «выкинуть», так как товар, в прямом смысле слова, выкидывали на прилавок, и толпа в один момент его сметала. Супердефицитный товар не доходил даже до продавцов, не то что до покупателей. Кира быстро обросла полезными связями, у неё получалось бесперебойно обеспечивать палатку товаром и иметь отличный доход.

У всех еще государственная зарплата, а тут бизнес, прибыль, наличные... Вы не представляете, что мы один раз учудили! Сейчас это выглядит как детская шалость, но в те времена это было за гранью норм приличия. Я, Кира и еще одна наша подружка, жена мясника, решили хорошо провести выходной день. Мы заказали такси, поехали в парикмахерскую, где с шиком обслужились без очереди. Раньше можно было получить услугу только в порядке общей очереди. Ждешь-ждешь, а можешь не дожидаться: то день закончился, то рабочая смена мастера подошла к концу. Наведя красоту (а мы сделали и маникюр, и педикюр, и прически), поехали в ресторан «Пекин», что на площади Маяковского. Пока нас ожидал таксист, мы, не спеша и ни в чем себе не отказывая, пообедали. Я обожала вишневое мясо и суп из китайских грибов. Мы заказали себе самые экзотические блюда – гулять так гулять! Потом поехали в ЦУМ, там что-то себе купили – такси опять ждет. Только к вечеру вернулись домой. Такими крутыми мы чувствовали себя в этот день! Наверное, так круто, как мы себя чувствовали в тот день, сейчас не ощущает себя ни одна светская львица, плывя на собственной яхте вдоль Лазурного берега.

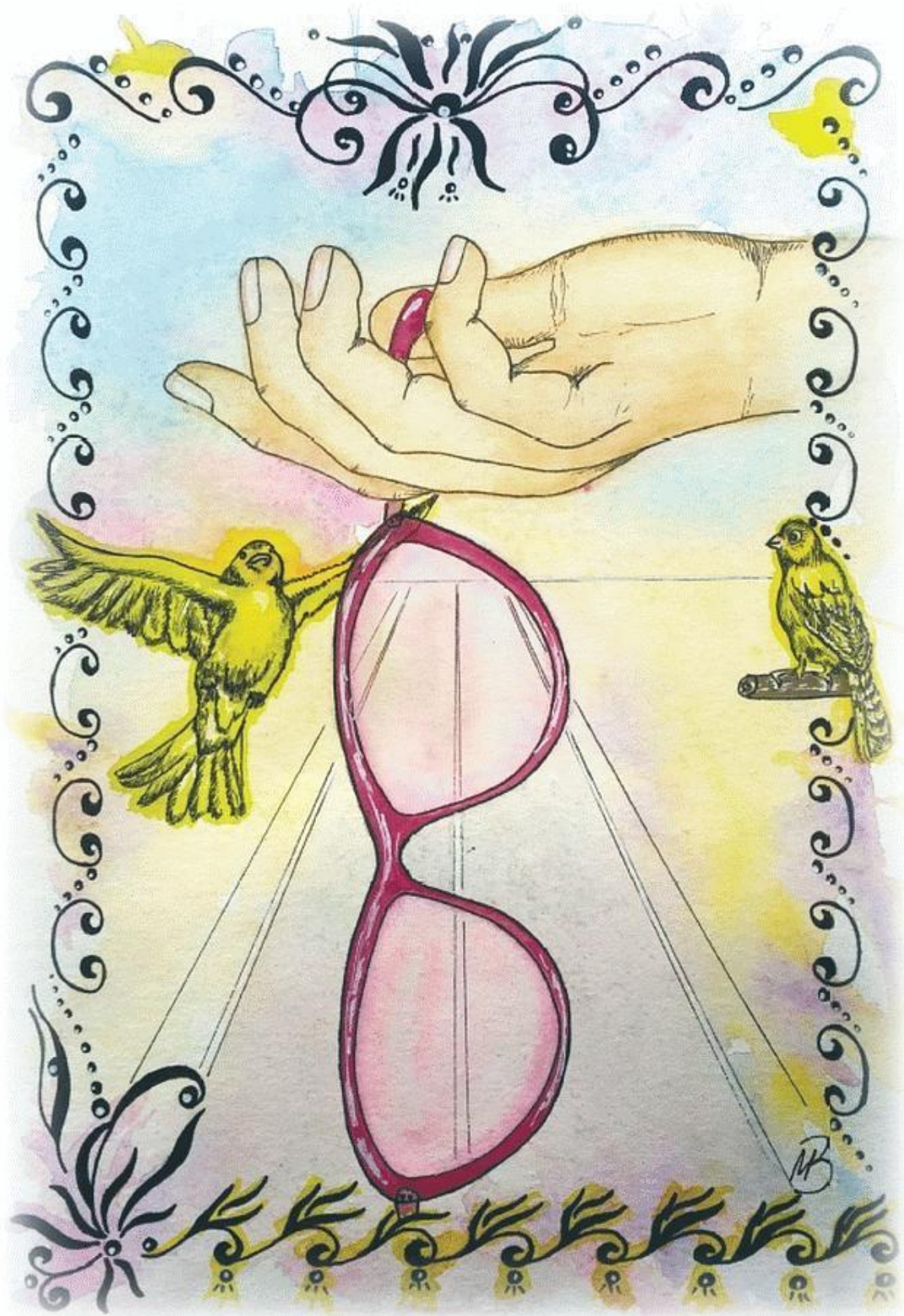
В наши дни этих яхт, этих светских львиц хоть пруд пруди, а тогда, в нашем-то возрасте... Ой, да что там говорить, это было the best!

Постепенно кооперативы начали набирать силу, появлялись новые палатки. Кире поступило предложение войти в долю при открытии торговой точки в нашем же поселке, но только на окраине, где располагался микрорайон заводских пятиэтажек. Место было заманчивое, в непосредственной близости от дороги федерального значения. Наш поселок был расположен между двух крупных трасс и разделён на правую и левую стороны железной дорогой, по которой двигались пригородные электрички и поезда дальнего следования. Место у новой палатки было перспективное, в ней могли отовариваться как жители микрорайона, так и те, кто навещался в поликлинику – она была рядом. Покупки охотно делали и проезжающие мимо – в Москву или из Москвы.

Итак, новая точка предполагалась вино-водочная, круглосуточная. Кире нужно было только вложить деньги, так как у неё уже была своя палатка. Её партнер был на «государевой службе», сам дела не вёл, так что нужен был свой человек для учёта товарооборота и денежных средств. Вот Кира и предложила мне работу в этой палатке в качестве товароведа. Мне было очень удобно, рядом с домом – пятнадцать минут пешком – и за прилавком не стоять. Пришел, сделал дела и ушел, да и расслаживаться там было особо негде, использовался каждый сантиметр площади. Зарплату я себе сразу оговорила правильную: оклад не ниже моего дохода на Выхино плюс проценты от суммы выручки. Это была прямая заинтересованность в том, чтобы дела шли хорошо и увеличивался объем продаж. Встречи с Кирой (как всегда, на кухнях друг у друга) прошли плодотворно. Мы всё обговорили, и я перешла на новое место работы. С увольнением сложилось более чем удачно. На мое место в Москве очень хотела попасть новая подружка «крыши», но уволить меня было нельзя, так как я «своя», приятельница хозяйки. А тут такая оказия: я хочу уйти, а на мое место хотят прийти. Мы без скандала, устроив крутую отходную, «выписали» меня, сохранив дружеские связи.

Я быстро вошла в курс дела, разобравшись во всех хитросплетениях взаимных договоренностей и стало понятно – эта палатка толком никому не нужна- ни Кире, ни её партнеру. Но она точно была нужна мне. Ведь я из семьи, где мама торговый работник, а папа ходит в заграничье. Про различные типы товаров, виды торговли, варианты выкладки я знала все. Бывая у мамы на работе, я потихоньку освоила азы оформления витрин. Об устройстве современной зарубежной торговли я узнала от папы. Возвращаясь из очередного заграничья, он рассказывал, как устроена жизнь обычных людей в разных странах. Он ходил по магазинам, выбирая нам подарки, а потом описывал, как продаётся одежда, как в ней ходят. Мне было интересно, и я внимательно его слушала, старательно запоминая новую информацию. О процессе создания успешного торгового предприятия, подробно, во всех деталях, с описанием маркетинга продаж и закупок, организации работы с бонусами, «кнутами и пряниками», я узнала из романа Золя «Дамское счастье». Это история любви молодой девушки-продавщицы и успешного предпринимателя, рассказ о создании в Париже первого процветающего универмага. Эта книга до сих пор одна из моих любимых.

Вы можете себе представить, как мне хотелось эти знания претворить в жизнь? У меня появилась возможность начать делать то, что уже давно поселилось в моей голове. Создавать своими мозгами и руками. Вот вчера еще было пустое место, а завтра будет успешное предприятие. И это сделаю я сама! Самостоятельно! Никто мне не помешает. Не даст по рукам. Не скажет, что мне ещё рано. По рукам, конечно, дали, да еще и по голове настучали, но это было потом... О будущем не знал никто, время для всех было новое. Всей страной мы прыгнули в неизвестность, а тут уж – у кого как получится.

Для начала, прежде чем что-то предлагать Кире, я решила поговорить с мужем – обсудить все нюансы. На семейном совете мы решили, что муж останется на госслужбе (это гарантированный вариант получения неплохой пенсии), а я уйду в мир коммерции. Муж был авиадиспетчером, и мы предполагали, что гражданская авиация выдержит любые социальные потря-

сения. Сложно было представить такую ситуацию в стране, чтобы самолеты вообще перестали летать.

Когда случились очередные кухонные посиделки, я посетовала Кире на бесперспективность торговой точки в том виде, в каком она есть. Нарисовала красивую картинку будущего, которое смогу обеспечить, если всей коммерческой частью займусь сама. Кира, уже хорошо зная меня, заинтересовалась моим видением ситуации, взяв паузу на размышления. Думала она недолго – на следующий вечер у неё было готовое деловое предложение. Кира успела даже переговорить со своим партнером. Оказалось, что он уже успел заняться такими интересными делами, что палатка стала для него обременительной. Он был рад возможности выйти из дела, еще и вернув все вложенные деньги с немалой прибылью.

Теперь перед Кирой стояла задача правильно договориться со мной. Конечно, любой человек хочет выторговать себе наилучшие условия – она предложила мне тридцать процентов от прибыли. Такое предложение меня не очень устраивало. Я хотела работать пятьдесят на пятьдесят. Раз партнерские условия, значит и равнозначный вклад: Кира – деньги, я – свой труд. Но в общем и целом мы договорились: ей – шестьдесят, мне – сорок процентов от прибыли. В те времена все было быстро: да – да, нет – нет. Времени на раздумья особо не было. Как думать о том, чего не знаешь, да и никто из знакомых не знает! Вечером к нам подтянулись мужья, и под коньячок, дружной компанией мы отметили мое вступление в ряды коммерсантов. Если бы в тот вечер мы знали, сколько будем зарабатывать через полгода, точно упились бы в зюзя от счастья. Но ни я, ни Кира даже представить не могли, о каких суммах будет идти речь...

С чего я начала? С товара. Для ежедневного аншлага после семнадцати часов мне необходимо было иметь в наличии достаточно скромный ассортимент: три сорта вина (крепленое – портвейн, сухое красное и белое), два вида водки («Московская», завода «Кристалл» – это наша, местная, и привозная – из Закавказья – кооперативная бормотуха), один вид пива («Жигулевское», к примеру) и три вида сигарет («Прима», «Космос» и что-нибудь югославского производства). Не удивляйтесь – это были времена тотального дефицита.

Спиртное в магазинах продавалось только до восьми вечера, а в ночное время продажей алкоголя занимались молодые, активные ребята. Они приезжали на своих машинах вечером в определенное место, о котором все знали. Багажники были забиты спиртным и жаждущие праздника приходили отовариваться. Когда багажник пустел, продавцы уезжали домой. Естественно, рядом всегда дежурил милицейский патруль, который следил, чтоб никто не буянил и не «обижал» ребят – не мешал торговле. Я все это хорошо знаю из личного опыта – мой муж был тем, кто мог обеспечить спиртное. У него не было машины, но были связи. Вот он и подрабатывал с друзьями по ночам. Днем они ходили в красивой форме (молодые кадры авиации!), а ночью превращались в «барыг» – так называли тех, кто занимался торговлей спиртными напитками. Это не было зазорным – люди жили тяжело. Зарплаты от государства хватало только на хлеб и крупу. Началась инфляция, полки магазинов опустели, была введена талонная система. Поэтому те, у кого была возможность подрабатывать – подрабатывали. Не выбирая род занятий.

У нас было преимущество, так как только мы имели разрешение на круглосуточную торговлю. Многие считали, что поддержание бесперебойной поставки спиртного вполне достаточно. Зная о сопутствующем товаре и понимая клиентоориентированность, я хотела большего. Я начала создавать ассортимент. Разные виды водки – не три, а десять, пятнадцать, двадцать – столько, сколько можно найти. «Кристалл», «Абсолют водка», «Finlandia» – классического вкуса, с клюквой, с чем угодно! Я перекупала алкоголь по завышенным ценам, ставила в продажу с наценкой в триста процентов – главное, чтобы в моей палатке было то, чего нет ни у кого. Вина, заморские ликеры, наливки, пиво в ассортименте. То же с сигаретами. О

некоторых сортах у нас только начали узнавать, а я-то их еще в школе покуривала. Папа из-за границы втихушку от мамы мне привозил... О! Какие вкусные были клубничные «More», какие красивые – длинные, тонкие, коричневые, в красной пачке. Ах...

Все это я начала доставать у фарцовщиков и на черных рынках. Сигареты с ментолом – это был шик. По любой цене их покупали и дамы (популярности добавила песня группы Нэнси «Дым сигарет с ментолом»), и кавалеры (ну а как не выпендриться перед девушками!) Затем я занялась сладкими «вкусняшками»: первые «Киндер-сюрпризы», шоколадки «Mars», «Wounty». Товары были обязательно в четырех сегментах, так сказать, на любой кошелек: для алкашей, заводских рабочих, интеллигенции и «новых русских». И для каждого сегмента был представлен богатый ассортимент. Когда у человека есть выбор, он всегда купит больше. Но и это было ещё не всё. Я постоянно меняла часть ассортимента, искала и привозила новое, что только можно было найти. Людей я взяла без опыта работы (профессиональных продавцов было сложно переучивать), научила их выкладке товара, вежливому обращению с покупателями. У моих сотрудников был стимул – оклад и процент от выручки в два раза больше, чем в любой палатке нашего района и чуть больше, чем в Москве. Я прилагала максимальные усилия, чтобы, с одной стороны, работать у меня было очень выгодно, а с другой – сложно переманить.

Привозя даже самые эксклюзивные товары, старалась закупать такое количество, чтобы все «вкусняшки» могла попробовать не только я, но и мои сотрудники. Когда продавец знает вкус того, что он продает, он найдет, как объяснить покупателю, чем один товар отличается от другого. К концу ноября я создала свое творение. По вечерам у меня стояла очередь, ночью одна машина подъезжала за другой. О нас все знали. Приезжали из близлежащих городов и поселков.

Знаете, какая беда русского бизнеса? На любом уровне. Вкладываются, раскручивают, начинают получать прибыль и... забираются. Я это наблюдала все двадцать лет в бизнесе. Человек еще не успел толком ничего создать, а корону уже нацепил и начал всех считать быдлом. Глядишь – а через некоторое время он опять там, где начинал! Пушкин с его «Сказкой о рыбаке и рыбке» – уместный пример. Сейчас эту историю периодически наблюдаю у своих клиентов, с кем работаю в бизнес-коучинге. Многие хотят быстро что-то такое создать и «грести деньги лопатой», грея пузико на курорте. Мол, они будут руководить издадека, пока другие на них работают. Беда, беда...

Я своих покупателей не разочаровывала, сегодня должно быть так же классно, как и вчера. Деньги потекли рекой. Выручку снимали два раза в день. Первый раз я забирала деньги утром, привозя товар. И это был чисто механический процесс, без эмоций. А вот под конец дня – это да! Часов в девять, когда все люди уже успевали после работы зайти к нам (кто шоколадку купит ребенку, кто бутылочку вина или сигареты, ну или покрепче – у нас в стране много пьют), я снимала выручку второй раз. Для денег пришлось завести большую спортивную сумку... Какие же мы все были наивные и глупые в своей смелости! Даже не знаю, как это называется. Ну, вот представьте. Молодая женщина, абсолютно одна, возвращается домой с работы: минут пятнадцать идет пешком, со спортивной сумкой в руках, полной денег... Каждый вечер одним и тем же маршрутом. А это поселок, где все друг друга знают, и у меня с Кирой самая известная палатка на всю округу. Да, было такое время.

Увидев очереди к моей торговой точке, в один из дней ко мне подошла женщина и предложила в аренду свою палатку «Ремонт обуви», которая находилась на другой стороне дороги чуть-чуть в удалении – как раз на углу въезда в поселок. Трасса федеральная, а это поворот с нее в центр поселка, к станции пригородных электричек. Эта же дорога проходила мимо завода, то есть все заводские шли мимо палатки на работу и домой, выезжали из поселка в Москву. Я быстро оценила столь выгодное предложение. Понимаете, еще не строили новых

павильонов, как таковой экономики не было, были государственные магазины с пустыми прилавками и палатки бытового назначения (ремонт чего-то там), которые приспособивали под торговлю. Предложение поступило лично мне, и встал вопрос: или я арендую её с Кирой, или одна. Второе означало выход из партнерских отношений и потерю своего детища.

Правильней было бы выйти, но порядочность говорила: «Вот Кира ведь дала тебе шанс. Если бы не её предложение, ты бы не смогла создавать то, что хочешь». Я решила остаться с Кирой, но на новых условиях. Уж если вместе, то всё должно быть «по-взрослому». Надо было все объединять, но разделяя компетенции, а деньги вкладывать пополам. Значит должно быть равноценное партнерство: деньги вкладываем поровну и прибыль делим пополам. Когда Кира принимала решение, она знала, что я занимаюсь коммерческой частью в разы успешней, так как могла сравнить выручки от своей палатки и той, которой занималась я. И, конечно, мы обе понимали, что мое вложение денег (до этого я вкладывала только свою работу, а прибыль выводила), позволит увеличить ассортимент, а значит – оборот и прибыль.

Но во всей этой схеме была ещё одна очень крутая фишка – с третьей торговой точкой мы получали контроль над всеми потоками покупателей, мы могли бы предлагать свои товары всем въезжающим и выезжающим в Москву и из нее, а также тем, кто проезжал мимо по трассе. А ведь мы в десяти километрах от кольцевой, от нас еще сто шестьдесят километров дороги по Московской области, включая аэропорт и два крупных города. И ни у кого нет трёх точек, ни у кого нет палаток возле трассы, ни у кого нет разрешения на круглосуточную торговлю – только у нас!

Мы опять посидели на кухне за чаем, покумекали и согласовали наше партнерство. Решили, что посчитаем сумму стоимости всего товара в её палатке и моей по закупочной цене, и я вложу в бизнес такую же сумму. Раз в месяц будем проводить учет, считать реальную прибыль, двадцать процентов из нее оставлять на развитие, а остальное делить пополам. Я буду заниматься коммерческой частью и внутренним учетом, обеспечением товара для всех трёх палаток. Кира возьмет на себя административную работу (а она начала появляться), заведовать кадрами и техническим обеспечением. Она не очень любила цифры, но умела договариваться, дружила с администрацией поселка и все знала о жизни наших сотрудников. У меня же было наоборот: новости я узнавала последней, но зато любила считать, строить финансовые схемы, планировать развитие.

Мы были с ней, как хороший и плохой полицейский. Я все разрабатывала, а она доносила до сотрудников, так же информация возвращалась ко мне. Я не была плохим руководителем, нет. Я была максималисткой в розовых очках. Все должны быть честными, отлично работать, выполнять требования. Но только люди не хотели. Даже при зарплате в два раза больше, чем у других, они делали так: в выходной – в Москву, купить пару блоков сигарет на черном рынке, в ночную смену их продать и прибыль положить в свой карман. Они хотели в самое темное время суток, пока спит их руководство, поменять ценники и продать на пару рублей дороже. Ничем это не вытравить. Ни штрафами, ни выговорами, ни увольнениями, ни (вы не поверите), даже близкими, дружескими или родственными связями.

Народ хотел «всё-всё и ещё колготки»... Расскажу историю этой «крылатой» фразы. Одна из моих университетских подруг с хорошим знанием английского, как только началась перестройка, пошла работать в коммерческий банк. И в одной из служебных командировок, кажется в Риге, познакомилась со шведом. У них завязался роман, и через какое-то время она едет к нему в гости знакомиться со страной и его родителями. А мне было интересно, как там живут? Что она там делала? Как ходила в магазины? Она рассказывала, что жених давал ей денег на продукты, а она, с русской-то смекалкой, покупала все, что нужно из продуктов, а сэкономленное тратила на колготки. Почему именно колготки? Капроновые колготки у нас в стране были тогда редкостью, да и стоили дороговато. А носить их очень хотелось! Многие

уже забыли, как зашивали дырочки на капроне. Это было зачетно, если девушка умела искусно зашить «стрелку», а уж подтянуть её крючком – это был высший пилотаж! Новые капроновые колготки надевали по особым случаям, в обычные дни ходили в аккуратно заштопанных. В Швеции, где жила моя подруга, в те времена колготки уже не зашивали, а выбрасывали. Мне это казалось сказкой. Колготки? Одноразовые? Поносил и выбросил? Они там что, штопать не умеют?! Так вот, денег у моей подруги лишних не было и для неё было важно сэкономить на колготках и выглядеть достойно. Эта её фраза – «всё-всё и колготки» – запомнилась мне на всю жизнь.

Желание зарабатывать было не только у нас с Кирой, другие тоже хотели. Но у каждого были свои ресурсы, свои амбиции, свои возможности и свои мозги. Мир активных людей стал расслаиваться. Почему я так часто употребляю слово «активные»? Большая часть населения держалась за старые возможности до последнего: работала на заводах, в институтах, в государственных учреждениях. Гарантированная работа, зарплата, будущая пенсия, начальники, которые знали «как надо». А на вольных хлебах – риск и неизвестность. В те годы никто не знал, что всё гарантированное, государственное через несколько лет развалится. Поэтому большинство держалось старого мироустройства, а малюсенькое, одна сотая процента, меньшинство решило пробовать жить по-иному. Наверное, это были самые безбашенные, самые недовольные положением дел, самые глупые во всех смыслах люди. Ничего нельзя было просчитать наперед, предугадать или подстраховаться. Мы были теми, кто сегодня забрался бы в первый космический корабль, отправляющийся на Марс строить поселение землян. Мы были такими.

Сейчас легко открыть фирму любого направления: есть готовые бизнес-схемы, примеры других, есть множество сопутствующих организаций, которые помогут – проконтролируют каждый шаг. А тогда примеров не было. Начать своё дело могли единицы – ничтожная часть того самого меньшинства, о котором я говорила. Но всем хотелось носить большие суммы денег в спортивных сумках, хотелось всё и сразу... Народ стал «чесать репу» и оценивать свои возможности – кто на что способен? Сотрудники милиции и ОМОН сориентировались первыми. У них уже были и навыки, и специальные средства. Поэтому очень быстро от участковых поступило предложение, от которого, как вы понимаете, нельзя было отказаться – обеспечивать безопасность наших палаток. Так как торговые точки находились на разных участках, то и участковых у нас было три. Они за небольшую ежемесячную плату нас «курировали». Что входило в их должностные обязанности? Уведомить всю районную шпану, что в палатке нельзя бесплатно получить пачку сигарет или бутылку водки; нельзя около палаток вечером и ночью обирать подвыпивших покупателей. Милиция отпугивала и заезжих гастролеров, реагируя достаточно оперативно.

Буквально через месяц нам пришлось организовать круглосуточное дежурство милиции. Количество желающих пожить в возросло в геометрической прогрессии. По ночам стал наведываться ОМОН и требовать бесплатную выпивку – молодчики грозили пистолетами и травили наших продавцов из газовых баллончиков. Когда они приезжали, «наша» милиция сразу уходила. Участковые не хотели «светиться». Они курировали нас негласно, если что – мимо шел и зашел... ОМОН и милиция – разные ведомства, с разной степенью компетенции, «сталкиваться лбами» нельзя. Ещё и потому, что омовцы были в лучшей физической форме. Милиционеры, как правило, полноватые, оплывшие, ленивые мужики. Не то что ребята из ОМОНА. Эти были накаченные, привыкшие драться, бить руками, ногами, ну и от мороженых на всю голову. Если парочка ребят из ОМОНА буянила, то их не мог утихомирить целый наряд. Омовцы доставали биты из багажника и шли, как Матросов на амбразуру. Милицеские бежали врассыпную.

Поэтому с омовцами мы не связывались, а продавцам были даны строжайшие инструкции – самим ничего не давать, но все, что достанут их загребушие руки, просунутые в

окошко, пусть забирают. Пришлось все палатки в срочном порядке оббить толстыми железными листами, поставить решетки на окна. Так и шла торговля – все дорогие товары в ночные часы убирались повыше и подальше, чтобы можно было увидеть, но нельзя было достать. А для продавцов сделали «закутки», где они отсиживались, пока все не утихомирится и не отвалит туда, откуда пришли. В дальнейшем эти «закутки» пришлось переделать и ставить перегородки из железа такой толщины, чтобы они не пробивались пулями.

Следующими подтянулись административные службы, но так, слегка. Они только начали прощупывать почву. Конечно, опыт у них уже был, с директорами государственных магазинов они научились «договариваться», но вот на нас у них ещё управы не было. Мы были птицами вольными, законов для нас не существовало. Но как они нами интересовались! На витринах такие «вкусняшки», такое невероятное спиртное, которое человек не то, что никогда не пробовал, но даже в руках не держал. Но вот зайти в палатку и просто получить желаемое ни работник администрации, ни сотрудник санэпидемстанции, ни пожарный (в общем никто из тех, кто к этому привык), не мог. Не было инструкций, как нам можно, а как – нельзя. Вот они быстро и занялись составлять разрешительно-запретительную документацию в своем обычном стиле. Даже если бы и захотели мы делать «правильно», всё равно – надо было идти «на поклон» и уговаривать принять взятку. Этим у нас занималась Кира, у нее уже был опыт, как-никак она – бывший завмаг. А мне было противно, да я и не умела играть в эту мерзопакостную игру: «Я вас та-а-ак уважаю, вот это маленький презент, ну в качестве исключительного ува-а-ажения к вам, примите от меня благосклонно». Плюс, конечно, конверт и неподъемный пакет с продуктами. Наши неподкупные, оберегающие и охраняющие... Слуги народа, одним словом. Жизнь заставила меня играть в эти игры. Позже я стала профессионалом высшей лиги, но уже в Москве. А за эти пять лет я успела прожить две жизни.

Мужья пока ещё занимались своими делами и в наши не вмешивались. Мой муж работал в авиации, у Киры занимался то ли грузинскими фруктами, то ли дагестанской водкой. Так как много денег уходило на обустройство торговых точек и увеличение ассортимента, то они еще не очень понимали, какими суммами мы оперируем. Но уже начали присматриваться. Мы купили себе первые машины, стали хорошо одеваться, делать дорогие подарки своим родственникам. Я вывезла маму и младшего брата из Латвии, где уже начался геноцид русских, и люди стали голодать. Взяла их на полное обеспечение: сняла дачу, брату помогла (старыми связями и новыми деньгами) устроиться в десятый класс, чтобы у него был русский аттестат о среднем образовании, и он смог в дальнейшем получить российское гражданство.

Всё складывалось замечательно: семья, интересная работа, забота о родных, молодость, деньги. Но тут, как в игре «Мафия», город засыпает и просыпается... Только мафия не проснулась, а родилась. Мы создавали свои бизнесы, а они – свои «бригады» под кодовыми названиями «грузчики» и «трактористы». Сейчас можно поиграть в нашу жизнь за бокалом вина, расслабившись и азартно обсуждая удачи или проигрыши после завершения игры. Но это сейчас. И когда тебя убивают «пока город спит», ты просто выбываешь из игры. А в мои двадцать семь люди выбывали насовсем.

Итак, уважаемые дамы и господа, просим вас выключить мобильные телефоны, сейчас звучит третий звонок и скоро поднимется занавес. Активное меньшинство уже на сцене и заняло свои места согласно назначенным или выбранным ролям.

Глава 3. Новые законы

ИТАК, О МАФИИ. Я уже говорила, что в нашем поселке жили авторитеты криминального мира. О них несколько раз вскользь говорил муж моей подруги Светланы, мясник Константин. Как я поняла, в подсобке их магазина (он работал в крупном продмаге Москвы) был организован подпольный карточный клуб. И «курировал» этот клуб серьезный человек, живущий в нашем поселке. Как-то у одного из наших знакомых возникла проблема, нужна была помощь что-то там разрулить, вот и упоминалось имя этого человека. Мне его потом показал муж, и я никогда бы не поверила, что это один из богатейших людей в округе – скромно, даже простецки одетый, немного сгорбленный, седоватый, щупленький, ну совсем не похож на паханов, которых показывают в фильмах.

Конечно, я имела довольно смутное представление о том, как устроен и по каким законам существует криминальный мир. Я делала выводы из реальности, в которой жила. Мне кажется, что для криминалитета наша бурная кооперативная деятельность была неожиданной. Одно дело подпольные цеховики и карточные клубы, их всегда можно «прижать», так как они вне закона. Но мы работали почти официально, и как я думаю, какое-то время к нам просто присматривались.

Все началось со слов продавца одной из наших палаток: «С тобой хотят встретиться...» Со мной многие хотели встретиться, по разным вопросам: предложить поставку товара, устроиться на работу, передать очередную административную придумку. На следующий день, решив совместить встречу со своими делами, я приехала в палатку на пару часов пораньше и занялась подсчетами. У палатки остановилась немного покоцанная «копейка» («Жигули» первой модели), из неё вышли три молодых парня, еще один остался за рулем. Я их не знала. Разговор вел один из них, двое стояли как группа поддержки. Мы вышли за палатку, курили и вели непривычный для меня разговор. Ну ничего, как говорят, лиха беда начало. Я быстро привыкла к таким разговорам.

Начало напоминало дружескую беседу молодых людей – мы просто общались. Потом перешли к обстановке, которая становилась с каждым днем опасней. Парень начал рассказывать неприятные случаи с хозяевами других, дальних и незнакомых мне палаток, посетовал, что все это и к нам приближается. Я отмахнулась, посмеялась:

– Доблестная милиция нас бережет, – кивнув на сидящего внутри палатки милиционера.

– Он не имеет право применить оружие. Сидит в свободное от работы время. Ни тебя, ни твоих близких он защитить не сможет. А я предлагаю полный пакет услуг. Личную безопасность. Безопасность имущества. Безопасность торговых точек, – тут он немного помолчал и добавил. – Твой товар и продавцы будут целёхоньки.

Это было что-то новенькое, тема разговора мне не понравилась. И я ему об этом заявила в резкой манере. Он же оставался таким же доброжелательным и спокойным. Ну такой – «свой в доску». Его группа поддержки пыталась шутить. Со стороны всё выглядело, как приятная беседа хороших знакомых.

– Ты можешь о нас уточнить, – он тихо произнёс имя. – Мы приехали от него. Типа познакомиться, по-дружески.

Мне стало ясно, что дело принимает нехороший оборот. Было названо имя того самого криминального авторитета, к которому могли обратиться только по очень важному вопросу, имея серьезные связи.

– Мы подъедем послезавтра. Давай в это же время?

Я молча кивнула в знак согласия и он, сев вместе со своими ребятами в машину, уехал.

Вечером я встретила с Кирой, рассказала про встречу, переговорила с человеком, который мог знать этих парней и попросила узнать, насколько все серьезно – действительно ли они приехали от криминального авторитета. Мы взяли тайм-аут для прояснения ситуации.

Следующим вечером мы опять встретились с Кирой. Днем мне подтвердили, что ребята действительно были с предложением от человека, на которого ссылались. Моё мнение было такое: пусть авторитеты занимаются своими делами, а мы будем делать свои. У нас все законно, милиция – и та уже пасется! Еще и преступникам платить – это уже никуда не годится. Кира меня поддержала. На следующую встречу я приехала вместе с Кирой, и мы открыто сказали ребятам, что думаем про воровской мир вообще и про зэков – в частности. Что мы нормальные хорошие люди и у нас с их миром нет ничего общего. Не пересекались, пересекаться не собираемся и оплачивать их беззаконие не станем. И вообще, как им не стыдно даже вслух говорить о мире, к которому они принадлежат. Ребята были по-прежнему дружелюбны, спокойно нас выслушали, попрощались и уехали. А у нас началась череда неприятностей. Сейчас, смотря на те события через призму жизненного опыта, могу с уверенностью сказать, что началась «воспитательная работа» для молодых и неразумных. Сначала начались дебоши молодежи в ночное время, с битьем бутылок, громкими драками и вызовами милицейских нарядов жильцами близлежащих домов.

Менты в первую же ночь сказали, что из палаток они высовываться не будут. Естественно, ночная выручка сильно упала, продавцы стали выражать недовольство, и мы получили предписание администрации. А дружелюбные ребята стали регулярно отовариваться в наших торговых точках. Если в тот момент мы были рядом, или они нас случайно встречали в поселке, то обязательно спрашивали, как дела и не нужна ли помощь. Мы не показывали виду, что дела у нас плохи.

Следующей волной пошли драки со случайным битьем витрин, внутрь палаток теперь кидали зажигательные пакеты. Как только павильон начинал гореть, продавцы убегали, а злоумышленники, наоборот, вбегали и уносили все, что могли схватить. Брали прицельно – исчезало самое дорогое спиртное. Милицейские начали прогуливать ночные дежурства. Кира уже начала потихоньку внутренне сдаваться, но я – максималистка, с обостренным чувством справедливости – была непреклонна. По меркам криминала с нами возжались долго. Может,

потому, что мы были местные. А может, потому что девочки. Или русские. Вероятно, они делали скидку на отсутствие у нас практики и навыков. Непуганые мы были, вот что.

Совпало сразу несколько событий: одному из наших продавцов, который вышел поздно вечером за палатку покурить, дали по голове дубинкой; Кире прокололи все четыре колеса, а машина была полностью затарена спиртным (мы возили товар в личных автомобилях). В то время и одно колесо поменять – это проблема из проблем. Мы ездили так: два колеса лысые, два – с изношенным протектором. Это означало «с колесами все отлично»! Запаски – редкость. А тут четыре колеса – проблема примерно на сутки. А машина полностью, под завязку набита водкой...

До кучи, в соседнем поселке, при ограблении, ранили одного из владельцев водочной палатки. Значит, и мы не застрахованы. Этот бизнес, торговля «паленой» водкой, был серьезным и опасным. Машины приходили в Подмоскovie одна за другой, в гаражах на бутылки наклеивали этикетки московского завода «Кристалл», и уже «заводская» водка официально продавалась в палатках.

Бывали и такие случаи: работники, которые должны были клеить этикетки, вскрывали бутылки, содержимое сливали в канистры и продавали «налево», а в бутылки заливали воду. Откуда я об этом знаю? Периодически присутствовала, наблюдая драки обманутых покупателей около и внутри палаток. Первое время продавцы, пытаясь доказать, что с их стороны обмана нет, брали из ящика первую попавшуюся в руку бутылку, открывали и давали попробовать. Мол, все честно. Вот это «честно» и заканчивалось битьем витрин и мордобоем. В таких палатках работали только мужики, хозяева ведь знали, что торгуют паленым. Потом они наострились иметь специальный ящик с проверенной, настоящей заводской водкой и уже сами били морды своим покупателям за необоснованные претензии. Вы не поверите, но через год этим стали «баловаться» работники самого завода «Кристалл». У меня лично было несколько партий такой водки из воды, хотя и покупала я их напрямую с завода.

Если бы все эти события были растянуты во времени, мы бы еще поартачились. Но слишком все было точно и по нарастающей. Мы поняли – начались военные действия необъявленной гражданской войны, а значит, придется договариваться. Я дождалась очередной случайной встречи и очередного дружеского вопроса:

– Как дела?

– Да плохо дела, – начала я издаleка. – Проблемы с ночными покупателями: грабежи, хулиганство. Вот уж и не знаю, может, закрыть ночную торговлю?... Плюнуть на то, что только у нас есть на нее разрешение?... Может, вообще все бросить и вернуться в школу?...

Я закурила. Специально сделала паузу, создав видимость обычного трéпа:

– Знаешь, надоели бессонные ночи с разборками, да и муж недоволен.

В моём, на первый взгляд, бытовом разговоре было упаковано послание: «мы уникальны и особенны; если нас сильно прижать, можем все бросить; нам есть куда идти; у нас есть крепкие тылы – мужья». Про тыл ошибочка вышла. Жизнь показывает, что если ищешь врагов или предателей, то начинать нужно с собственной постели...

Естественно, сразу никто помощь не предложил. Теперь им нужно было выдержать паузу и устроить что-нибудь эдакое для закрепления достигнутых результатов... Этой же ночью была ограблена палатка, а продавщицу мы нашли утром у нее дома пьяной в стельку. Она пила еще пару дней, так что выяснить хоть какую-нибудь правду было невозможно. Вот так я узнала, что и женщины могут быть скрытыми алкоголичками. Она была молодая, красивая, замужем и с дочкой. К сожалению, она не справилась со своей жизнью: муж её бросил; дочь попала в ужасную аварию и осталась инвалидом. Сама она сгорела в собственной квартире – так была пьяна, что не смогла выползти из комнаты. Ей еще не было и сорока. Все же в жизни не так важна красота, как характер. Красивые, но без стержня, молодые женщины в те годы часто погибали, слишком много появилось соблазнов.

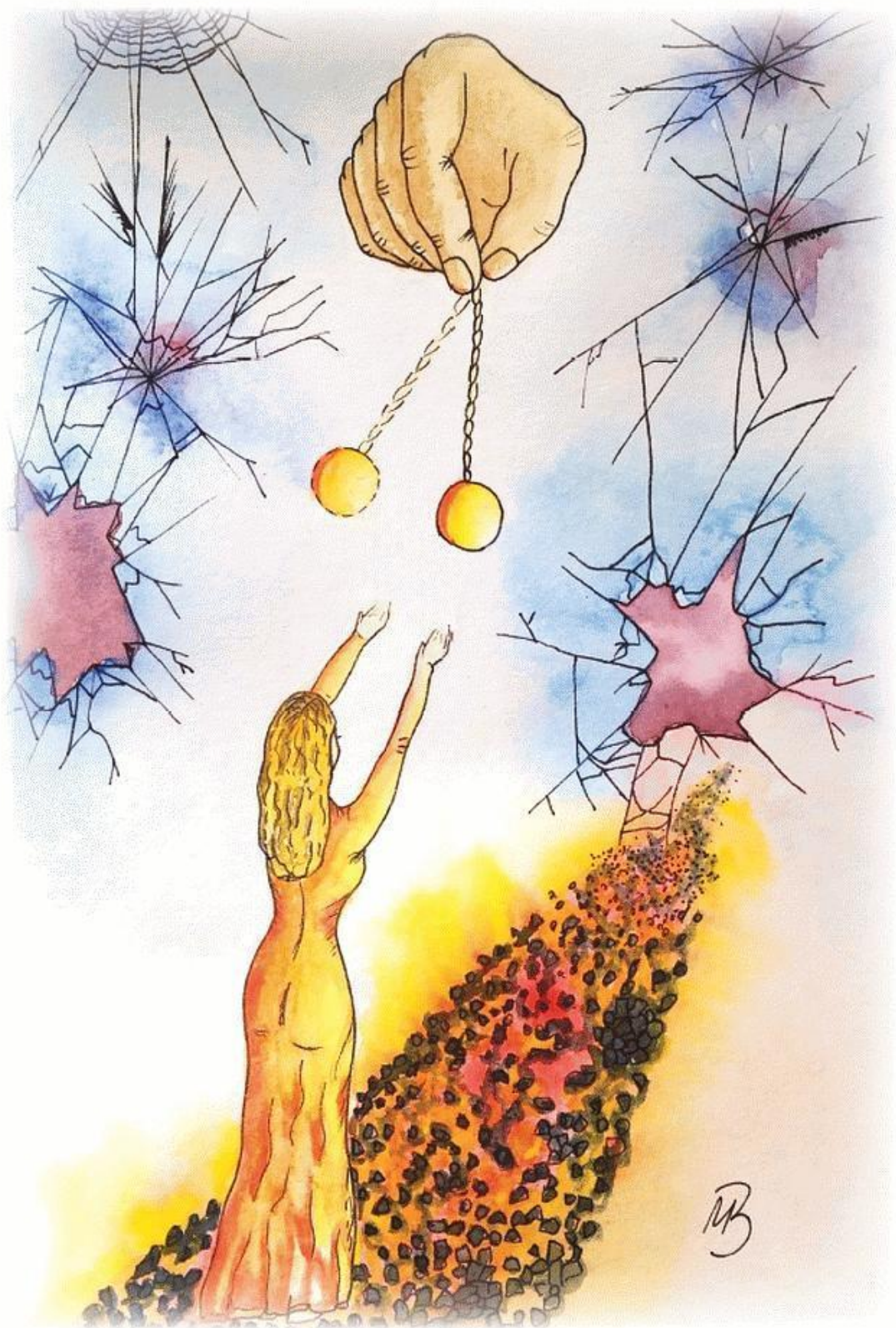
Дня через три через продавца мне передали: *они* хотят встретиться. Разговор предстоял обстоятельный, и мы решили посидеть в кафе. Нам предложили за двадцать процентов от прибыли гарантированную безопасность – нас, членов семьи, личного имущества, жизни продавцов, товара. Мне предложение не понравилось. Получалось, что мы должны ежемесячно показывать им свою прибыль, свои расходы. Тогда я не совсем понимала, почему меня это так напрягает, это было на уровне «мне так не нравится», но впоследствии узнала, как это опасно. Я предложила разговаривать о конкретной сумме в месяц. Конечно, в моём контрпредложении была загвоздка, ведь они не знали, какая у нас прибыль. Если они назовут маленькую сумму, а по процентам получится больше – они прогадали. А если мы посчитаем, что проценты выгодней названной им суммы, и согласимся на проценты, то они опять прогадали.

Ребята взяли паузу, чтобы донести моё предложение до своего руководства. Через пару дней они приехали с решением, что готовы на твердый ежемесячный платеж в размере... Тут мы устроили торг, жаловались на жизнь и возрастающие расходы, они рассказывали о своих трудностях. Им нужно было набирать кадры, покупать для них служебные машины, доставать оружие. То есть у всех одна и та же беда: нужны профессиональные ответственные работники и хорошее материальное обеспечение. Договорившись о конечной сумме ежемесячных платежей, мы ударили по рукам, посочувствовали проблемам друг друга и разъехались по своим делам: кто за водкой и сигаретами, а кто за машинами и пистолетами.

Вы ведь не сомневаетесь, что в течении недели в нашем районе навели порядок? По ночам опять шла бойкая торговля. Вместо милиции вокруг палаток, как патруль охраны, ездили теперь в машине «наши ребята». По необходимости, они «терли» с заезжими гастролерами, объясняя им, кто метит эту территорию. Мы думали, что какое-то время можем спать спокойно. Увы...

Наших ребят, в одночасье, всех главных, «принимают» в ментовку. Мы об этом узнали через пару часов, так как в срочном порядке к нам подъехали новые представители. Мы этих ребят в лицо уже знали, они были постоянными покупателями и жили в районе пятиэтажек. Потом они разоткровенничались: как и везде, в их мире беда одних стала удачей других. Наших посадили, а их из «шестерок» перевели в главари. Вот прямо целым экипажем «шестерочной» ночной машины. Мы до этого не знали, чем они занимаются, так как они курировали другой район. Чувствовалось, что тогда в «их» мире было всё разумно, что руководят ими профи. Бригады ещё не работали там, где жили, поэтому соседи, знакомые, даже родные были в неведении. Ребята имели кодовое название «грузчики», и для всех они были трудяги, которые ночью разгружают вагоны, зарабатывают непосильным трудом копейчку и могут днем спать и тратить деньги, отовариваясь в таких палатках, как наша.

Постепенно наши миры стали смешиваться. Одно дело, когда к тебе приехали, спросили о проблемах, все решили, забрали деньги и уехали. Конечно, с большой натяжкой, но можно было сказать, что мы вынужденно платили охранному агентству. А здесь жизнь на одной территории. Идешь в гости к подруге, вы уже «хорошо» посидели, тут заходит на огонек, уложив своего малыша спать, соседка. Вы знакомитесь, болтаете о своём, о девичьем, и тут забегает муж соседки за своей женушкой. Оп-па, а это твоя «крыша»! По официальной версии он «грузчик», который быстро управился с разгрузкой вагонов и пораньше вернулся домой. Вот «крыша» и «грузчик» в одном лице, вылупив zenки, смотрит на тебя, понимая, что ты уже «хорошо посидела»

и можешь стать болтливой. Он не знает, что делать. А ты, выпучив глаза, пытаешься сообразить, то ли вы знакомы (тогда – где познакомились?), то ли вы не знакомы (а он сейчас примет это за знак высокомерия и вытащит свою пушку). Было непонятно, кто в какой момент вляпается в подобную ситуацию.

Длилось все не так чтобы долго. Пару месяцев. Государственные магазины начали превращаться в потребительские кооперативы, Дома быта переквалифицировались в частные ателье и парикмахерские. У криминальных структур стало очень много работы, нужны были новые кадры. А желающих было неожиданно много. На бандитов стал такой большой спрос, что брали всех, кто старше шестнадцати лет и готов стрелять в человека. Начался раздел территории. И начался он со своих.

Сначала «шестерки» одних групп стали на разборках стрелять в чужих «шестерок»...

Человек переступает внутреннюю черту не многократно в каждом отдельном случае, а только один раз. Самая первая любовь, самый первый секс, самая первая машина – мы все знаем, как первый раз отличается от всех остальных. Это правило работает и при спуске вниз. Самый страшный шаг в темноту – первый. Затем ты просто идешь. Так и с убийством. Человек договаривается сам с собой только один раз: почему ему надо это сделать; почему он не может этого избежать; почему его жизнь намного важнее жизни другого.

Бывало, убийца и жертва и в школе одной учились, и в одних соревнованиях участвовали, но сейчас, волею судеб, они в разных бригадах, и их главари конфликтуют. Простой случай – проститутку не поделили, устроили махач, результатами остались недовольны. Утром проспались, протрезвели – собирают свои бригады, чтобы объяснить друг другу, что у кого длиннее. Вот «шестерки» и едут на разборки, достают стволы... А в «их» мире, если ствол достал, то надо стрелять. Если не выстрелил, ты – последнее ссыкло, из бригады выставят с позором. А могут свои и насмерть забить, чтобы другим неповадно было. Пацан – значит пацан. «За базар надо отвечать», – это как раз про такую ситуацию. Про смерть.

Когда солдата убивают на поле боя, он имеет духовное и нравственное оправдание: война, противник с оружием, открытое противостояние. А вот глупому юнцу с пушкой в руках такого оправдания нет. Темной ночью он, достав ствол из кармана (может, от испуга), должен стрелять. И для него это – тот самый первый шаг. Он уже договорился с собой – его жизнь важнее чей-то чужой жизни. И он стреляет. Всё, теперь он убийца. Ему уже все равно, сколько будет этих трупов. Перед собой, перед Богом, в своем сердце он – убийца. Теперь море по колено. «Чем хуже, тем лучше». Выпивка, наркотики, проститутки, изнасилования, издевательства – ничто и никогда не заглушит правды о самом себе. Можно забыться, но нельзя забыть. Увы. Душа не позволит.

Даже сильного мужика с крепким стержнем вседозволенность развращает быстро. Что уж говорить о молодняке, который решил, что ему мешают старики. Паханы такие осторожные, такие медлительные, такие скупые и жутко строгие. Главари наказывали молодых ребят, как вредных котят, если «шестерки» вели себя развязно или по пьяни нарушали договоренности. И вот «шестерки» грохнули паханов. Всех. За одну ночь. «Твоя беда – моя радость». Начался быстрый карьерный рост, иногда чересчур стремительный. Сегодня на сходке назначают нового главного, а через пару дней его уже с почестями провожают в последний путь. Появились даже народные приметы. Если хоронят очень богато и бьют себя кулаком в грудь, обещая жестоко отомстить за смерть друга – точно, грохнули свои. По молодости лет к ним не приходило понимание, что дорогими гробами из красного дерева, шикарными поминками свои руки от крови друга, который еще вчера прикрывал тебе спину, не отмоешь. На воре и шапка горит. Чем больше памятник, тем ближе была дружба между убитым и убийцей.

Но мы еще были не при делах. Крыша решала свои внутренние вопросы. Как я сейчас понимаю, авторитеты осознавали, что нас трогать нельзя, молодняк за это наказывали серьезно. Зачем резать корову, которая дает молоко, сливки, масло, сыр и телят? Первой, вто-

рой, третьей волне руководителей было не до нас. Они толком даже не успели насладиться шальными деньгами, ведь многие из них вышли из «шестерок». Вечером ты еще ходишь в единственных спортивных штанах, а ночью, привезя руководителю долю и набравшись смелости, грохаешь его. Еще не успело взойти солнце, а весь мир уже у твоих ног. И баба босса, и тачка босса. Эти «жены» передавались у бандитов из рук в руки, как переходящее знамя. Красиво называлось – забота о вдове. А почему, собственно говоря, девушки должны были отличаться от юношей? Те хотят красиво и на халяву, и эти хотят на халяву. Теперь любой прыщавый качок-бычок, решив мочить всех, мог позволить себе красотку с шикарной фигурой, желаемым цветом волос и соответствующим уровнем интеллекта. Раньше он мог только смотреть на неё издали и пускать слюни, а теперь у него есть пистоль в кармане, и он король. Как говорить, «есть, чем потресть».

У мужчин, как показывает мой жизненный опыт, есть какой-то бзик на женщину более сильного самца. Вот хочет он чужое. Не другое, а именно чужое. Рядом будет стоять десяток таких же красивых, да еще свободных, как говорить, бери не хочу. Но нет, им подавай чужую. Лучше, чтобы это была женщина босса или друга, даже баба врага не так интересна. Надо у своего отнять... В общем, это не было редкостью, когда убитая горем молодая вдова на похоронах плакала на плече близкого друга почившего мужа. На следующий вечер глядишь – они уже вместе катаются в машине и веселятся. Все нужно было делать быстро: есть, пить, уходить в загуляй. Не все доживали до рассвета. Слишком много «шестерок», слишком много стволов, а Москва не резиновая.

От моего первого дня в качестве товароведа до последнего спокойного счастливого летнего вечера прошёл примерно год. Наша «крыша» захотела со мной о чем-то поговорить и назначила встречу. Мы уже все спокойно прилаживались друг с другом. В гости еще друг к другу не ходили, но члены семей знали друг друга по имени, и мы запросто болтали о своих делах: дети, сады-школы, машины.

Я помню этот вечер, было примерно часов пять, теплый такой, но с легким ветерком, ласковым, нежным. Хороший спокойный летний вечер. Ребята подъехали все вместе, четвером. Они поделились своими планами ближайшего развития. Мне они предложили, ни много ни мало, заняться ювелирной торговлей в центре Москвы. Им, за «хорошую работу» и регулярный вклад в общак (а этому способствовала наша с Кирой успешная деятельность), выделили крупный магазин на Тверской между станциями метро Охотный ряд и Пушкинская. Меня спросили, будет ли мне интересно этим заняться. Они очень хотели эту точку. Они были уверены, что я всё организую по высшему разряду, а значит, им выделят ещё больше помещений в самых крутых местах. Они просили меня подумать, все взвесить и назавтра дать ответ.

Я ехала домой, голова разрывалась в предвкушении возможностей. Уже видела огромные подсвеченные витрины с такими изделиями, каких Москва еще не носила. Я уже стала обдумывать вопросы: «Как мне выйти на настоящих ювелиров? Где мне найти художников, которые смогут создавать рисунки, из которых ювелиры сделают шедевры?» Мне не спалось всю ночь – какой тут сон?!

А ребята поехали в ресторан, где их уже ждали жены, – отмечать день рождения одного из них, его звали Денис. Он у них был самым уравновешенным, вдумчивым – ребята его уважали. Утром поселок гудел от новости, которая, даже по тем временам, была за гранью добра и зла. Ребята не пришли из ресторана домой, все четверо. Как рассказали жёны, они вышли покурить и не вернулись. Я думаю, что они вышли покурить травку, потому что обычные сигареты все курили в ресторанах, прямо за столами. Ужас был в том, что они вообще никогда не вернулись. Их тела так и не нашли. Их не смогли похоронить, им не поставили памятники. Нет для них места последнего пристанища. Эти четверо – молодые, веселые – были из последней волны приличных и видящих будущее «крыш» того времени – начала лихих девяностых. В период

своего становления они еще застали живыми своих бывших авторитетов, они еще успели с ними пообщаться.

Наступило время отморозков. У *этих* не было ничего святого. Если «своих» они оставляли без памяти и могил, так что говорить о «чужих». Управы на них не было. Они убивали вышестоящих, потом убивали их самих. За год такого вот «карьерного роста» они сами себя вырезали. Не осталось тех, кто бы не был отморозком. Менты их боялись. Чиновники их боялись. К власти над обществом пришли самые настоящие бандиты – молодые, отчаянные, безжалостные. Готовые убить любого просто так. Не было больше законов. Прав был тот, кто быстрее стреляет. Вот и весь закон. Мафия родилась.

Глава 4. Идущие сквозь ад

ИТАК, наша «крыша» в полном составе исчезла, выйдя покурить в перерыве между смежной блюд. Жены, проведя в ожидании у припаркованных возле ресторана машин всю ночь, утром разъехались по домам. Все надеялись, что ребята или вернутся, или обнаружатся их трупы.

Их ждали родные и друзья, но не криминальные структуры. Такой жирный кусок, как наш с Кирой бизнес, хотели все. На нас устроили самую настоящую охоту. Кто только не пытался поговорить с нами об этом деле! Приезжали по-хорошему и не по-хорошему, местные и не местные. Мы держали оборону: уверяли, что наши покровители, наверняка, живы и вот-вот появятся.

Однажды у меня даже был разговор с товарищем, который забил стрелку и приперся на нее с арбалетом. Я так разозлилась. «Ну, – думаю, – спёр, наверное, дурень где-то ржавый арбалет и даже не знает, как называется эта штука, которой он пытается меня испугать. Как они меня уже все достали!» Можете себе представить «крышу» в лице одного молодца, бегущего по поселку между палатками, которые расположены друг от друга в паре километров, и размахивающего ржавым арбалетом? Я была в таком гневе, что встала напротив него и сказала: «Давай, Робин Гуд, вперед! Пускай стрелу! Но если ты промахнешься, я тебе твои... оторву голыми руками прямо здесь. А если не справлюсь, позову подмогу. Или ты живой, или я».

Конечно, я не могу помнить всё в своей жизни, но есть моменты, которые отпечатались в памяти в мельчайших подробностях, например, этот момент моей ярости. У меня ноздри раздувались, как у быка на корриде. Мне казалось, что если он только попробует нажать на спуск, то всё, я его разделаю под орех. Иначе невозможно с такими отморозками.

Мы не сидели сложа руки- подняли всех своих знакомых, у кого были хоть какие-то связи в криминальных структурах. Надо было выяснить, кто на меня наехал. Как понять, разговаривая с человеком, насколько у него в порядке голова? Кто за ним стоит? С кем он работает? Кто

его «шестерки»? Ведь дело до такого доходило – сидит группа ребят во дворе, лузгает семечки и решает: «А не пойти ли нам развести лоха? Скажем, что мы „крыша“ – и вперед». Они одалживали тачку у знакомых на пару часов, золотые цепи, и уже ехали «стрелки забивать» и «терки тереть». Они ведь все были на одно лицо: молодые, наглые, обкуренные, в спортивных штанах «Адидас». Кто настоящий, а кто так, «лоха развести» – с первого взгляда понять было сложно.

На финишную прямую в гонке за жирный куш вышли несколько бригад: одних порекомендовали по моим каналам; другие были местные, самовыдвиженцы, их продвигал кто-то, кто курировал «общак». Хотя во второй группировке и были все местные, но бригадиром ставили парня, который только что вернулся после отсидки. Так сказать, ему выделяли «подъемные». Меня не устраивал ни тот, ни другой вариант. Собственно говоря, никакой вариант не устраивал, но время на принятие решения истекло.

Днем угнали мою машину, и на следующее утро она стояла возле подъезда вся искореженная так, что восстановлению не подлежала. Вечером того же дня, когда мы ехали по делам на Кириной машине, в нас стреляли. Не совсем в нас – по капоту машины. Мы решили провести ночь у Киры в квартире, так как у меня дома ребенок. Ночью машину Киры подожгли. Хотя опасность подстерегала нас везде, мы понимали, что физической угрозы пока нет, ведь мы нужны им живые и здоровые. Но что они еще придумают? Охотились на нас все, кому было известно о наших палатках. Но, пока мы не выбрали новую «крышу», было невозможно обратиться за помощью. А каждый из нападавших был готов ее оказать.

Время на раздумье истекло, и нам пришлось принять решение. Мне не нравились местные «самовыдвиженцы» – они были слишком молодые. И самое главное, их бригадир только отсидел, значит, очень голодный. По моим каналам нам рекомендовали ребят тоже из нашего района (в принципе, они все жили где-то недалеко). У нас ведь в поселке была «малина» криминальных авторитетов, а «шестерок» они набирали из местных жителей. Через несколько лет это уже был муравейник криминала: бандиты жили не только в каждом доме, но и в каждом подъезде; все уже друг друга знали, и никто не стеснялся своей деятельности. Мне «рекомендованные» больше импонировали, так как они были постарше меня или мои ровесники, интересы у них были в Москве, а значит, дальновидные, с хорошими ресурсами и перспективой. Но Кира решила, что местные «самовыдвиженцы» лучше, к тому же, их рекомендует кто-то из «общака». Наши мнения разделились. И моя ошибка была в том, что я уступила подруге только из-за того, что когда-то она пригласила меня в бизнес, а значит, я ей многим обязана. Ох, Аня, Аня... Вот где следовало снять розовые очки...

Забили стрелку, всё обговорили, закрепили договоренности хорошими посиделками в ресторане: они – с подругами, мы – с мужьями. На следующее утро мы уже ехали на авторынок покупать себе машины. Теперь у нас опять была крыша, значит, можно снова спокойно заниматься своими коммерческими делами. Конечно, спокойствие – понятие относительное. Но раз перестали корежить, поджигать и стрелять по машинам – уже спокойно.

Думаю, надо пояснить, почему мы знали, что нас пугают, но не хотят убить. Явно не потому, что мы такие крутые. Дело в том, что наша смерть не принесла бы выгоды никому, поскольку взять с нас было нечего. Понятия «частная собственность» не существовало, квартиру отобрать в то время было нельзя. Машины? «Копейка», «тройка» – им грош цена. Новые автомобили на рынок не поступали. Их сразу сразу перегоняли в края, где растут мандарины и абрикосы. На своих машинах, которым было по восемь-десять лет, мы за раз перевозили по двадцать ящиков водки, совершая в день три-четыре рейса. Через год мы их просто отправляли на свалку, хорошо, если своим ходом. Забрать палатку? А кто в ней работать будет? Ну точно, не они сами и не их подруги, которых интересовали только «Мартини» и «Амаретто», они ведь халяву выбрали, а не работу. Все понимали, что замены нам пока нет, поэтому нельзя нас ни убивать, ни калечить, ни слишком сильно расстраивать... Хотя вскоре ситуация изменилась.

Не знаю, как мне справиться нахлынувшими чувствами. В этой главе я расскажу об одном из самых страшных периодов в моей жизни. Не могу сказать, что просыпаюсь по ночам в холодном поту при воспоминании об этих событиях, теперь они ушли в прошлое... Но тогда все было впервые. Испытываю почти физическую боль, и к горлу подкатывает ком, который с каждым абзацем становится всё ощутимей. Мне хочется зажать рот рукой, чтобы невольно не вырвался крик ужаса. Люди! Что с нами со всеми случилось?! Как? Скажите – как? Как мы, бывшие октябрята, пионеры и комсомольцы, стали убивать друг друга? Почему сначала мы маршировали на слетах военно-патриотической песни, писали сочинения о «Молодой гвардии», а потом пытали друга утюгами? Почему мы читали Пушкина и Достоевского, а потом все вместе создали бандитское государство?

Когда я слышу по телевидению ностальгические воспоминания о прекрасном советском образовании, которое нам надо вернуть в школы, извините, но на моем лице возникает презрительный оскал. В лихие девяностые мы пришли из СССР!!! В нашей юности не было разлагающей морали Запада: нас туда не пускали, чтобы мы не расстраивались. Не было тотального влияния Интернета и оплаченных СМИ: все читали правильные газеты, слушали правильные новости. Не было пагубного влияния голливудского кинематографа – вся страна смотрела патриотические, строго нравственные, прошедшие советскую цензуру фильмы. Так почему же мы все дружно стали завидовать жизни бандитов и проституток? Вы знаете, что старшеклассники писали в сочинениях на тему: «Кем ты мечтаешь стать»? Мальчики заявляли: «Мечтаю стать бандитом», – и перечисляли преимущества своего выбора. А девочки под стать им: «Мечтаю стать проституткой или женой бандита», – и тоже расписывали прелести такой жизни. И это не миф, не анекдот. Я сама видела эти сочинения, так как у меня подруги работали в школе.

Следовало бы нам разобраться для начала в последствиях такого замечательно «нравственного» образования, прежде чем мечтать его вернуть в школы. Не только бандиты были отмороженными на всю голову, практически все стали такими. И напрасно сейчас многие пытаются прикинуться, что они остались в стороне – все варились в одном котле. Просто мы так испугались, что решили спрятать ту жизнь в подвал, закрыть дверь на железный засов и забыть, как все было. Вот только удивляемся: что это у нас сейчас жизнь такая нескладная? А ведь сколько прекрасных русских пословиц: «Что посеешь, то и пожнешь», «Как потопаешь, так и полопаешь», «Как солону постелешь, так и спать будешь». Мы всей страной едим ту кашу, которую сами себе варили по своим национальным рецептам. Никто со стороны не приезжал бегать за нами с пистолями. Бегали свои, местные: из одного города или поселка, с соседней улицы или двора, из нашего дома или подъезда, одноклассники или соседи по парте. Так давайте все мы, кто остался в живых, не будем ничего придумывать и врать нашим детям про свою романтическую молодость. Им и так приходится разгребать завалы. И если у них не хватит силенок, то достанется внукам. Мы любим это красиво называть «связь поколений».

«Лихие девяностые – это нравственная катастрофа страны», – вот я и сказала это. На весь мир.

А теперь обосную во всех подробностях, почему я так думаю. Извините, что повторяюсь, но у меня волосы стоят дыбом, когда я вспоминаю то время. Будет странно, если у вас и волосок не колыхнется после того, как вы прочитаете эту главу до конца. А ведь это будет не конец, а лишь прелюдия.

Время набирало стремительные обороты. Торговля шла бойко, и не только у нас. В Москве и крупных городах люди начинали осваивать мир коммерции, стали образовываться огромные рынки: одни специализировались на продуктах, другие – на промтоварах. По мере накопления у людей наличности торговля пошла бойкая. Мы решили расширяться и устано-

вить ещё одну точку на трассе, между нами и аэропортом. Мы возводили её сами, поэтому учли все реалии жизни – варили стены из самого толстого железного листа, чтобы никакая пуля не смогла пробить. Денег стало еще больше. Самые впечатляющие выручки были в новогоднюю ночь. Мы отмечали праздник, просто курсируя между точками: пообедем всех, сумки набьем деньгами, шампанское выпьем, домой заедем, деньги высыпем и – по следующему кругу.

Казалось, нет ничего интересней, чем считать свои деньги. Подчеркну, в те годы и в том возрасте не было более интересного занятия, чем посчитать деньги, сваленные в угол, и понять, сколько же их там. А их там было много, очень-очень много. Поэтому мы так любили праздник Новый год.

Наши деньги нравились не только нам, но и нашим мужьям. Они, каждый по-своему, хотели ими распоряжаться. Не думаю, что это был умысел, нет, конечно. В семьях все деньги были общими, как и полагается. Просто их было много. Кире в этом вопросе повезло больше, чем мне. Во-первых, у нее муж сам занимался «интересными» делами, так что доходы они друг от друга скрывали. Во-вторых, Кира была прижимиста. А я – наоборот: все деньги в семью, для всех, чтобы дом был полной чашей. В своей родной семье я была старшей дочерью, поэтому с детства привыкла опекать родных и друзей. Так что круг моей щедрой заботы был широким. Конечно, деньги – это замечательно, но мне нравился сам процесс созидания. Результаты так впечатляли моих близких, что они не мешали мне зарабатывать деньги. Муж тоже не удержался и предложил помощь в обеспечении палаток: ведь я сильно устаю, поэтому он меня будет возить.

Я хотела себе нанять водителя, но как отказать своему любимому мужу? Он взял административный полугодовой отпуск, выторговал у меня зарплату, чтоб ему было более комфортно со мной работать. Ох, умел он мне голову морочить. Одна моя ошибка следовала за другой, и не было этому ни конца, ни края.

Какая может быть работа у жены и мужа вместе, если она – босс, а он – водитель? Это еще куда ни шло, если из водителей – в мужья: ну, ездили-ездили и доездились. А тут был муж и вдруг по совместительству устроился к тебе водителем на зарплату. Ой, я дура! Аня – дура! Аня – дура!.. А можно я так пару страниц напишу? Нет? А мне хочется...

В общем, пустила лису в курятник. Но что делать: любовь, семья, молодость, глупость, большие деньги – гремучая смесь. Муж увидел всю «кухню», и ему захотелось порулить во всех направлениях. Из жестко регламентированной системы он попал в мир свободной жизни, и его понесло. Хотя нас, конечно, всех несло...

Мы все работали, общались, мечтали о расширении бизнеса и жилищных условий. Всё и вся в нашей жизни перемешалось. Мы не успевали думать, чему-то удивляться, задавать себе и другим вопросы. Просто жили в постоянно меняющейся среде.

Первые перемены произошли у Киры: она развелась с мужем. Они были слишком разные, с большой разницей в возрасте. Любви в их отношениях не было изначально, а время было молодое и такое горячее...

Спустя много лет, когда я купила навороченный джип и выехала из автосалона, то у меня было странное ощущение: вот у тебя новая машина, а поехать и показать-похвастаться некому. Теперь у одних во дворе такой же стоит, а другим по барабану: хоть на колымаге заезжай – никого не удивишь. А в то время наличие автомобиля демонстрировало уровень достатка. Иметь приличное авто, например, шестую модель «Жигулей» с пластиковым бампером – это было очень круто. Женщина с машиной – это мегакруто. Молодая девчонка за рулем тачки – это запредельно круто. Для сравнения: молодая красивая женщина за рулем шикарного кабриолета в наши дни – это ничто по сравнению с нами в наших «шестерках» с пластиковыми бамперами.

Так что же мы делали, даже не вполне осознанно? Мы выпендривались. Приедем в одну палатку, покрутимся там и отправляемся в другую. Вся фишка была в том, чтобы показать себя. Конечно, особенно интересно это выглядело весной и летом: выходят две молодые крали, довольные собой и жизнью; туфли на шпильках, платьица-мини обтягивают все прелести, волосы у обеих густые, длинные. И вот мы выходим, демонстративно идем к машинам, громко разговаривая, садимся, хлопаем дверьми и по очереди резко, с ревом мотора, чтоб обязательно гравий из-под колес, едем в другую палатку, до которой десять минут пешком. Почему отъезжали по очереди? Да чтобы все слышали рев твоей машины и успели полюбоваться вылетающим из-под колес гравием. Так молодые кобылки гарцуют, и надо дать время одной себя показать, а потом другую выводить. Нам ведь негде было себя предьявлять миру, вот мы возле своих палаток и устраивали шоу. Тем более, у нас их было уже четыре, и у каждой стояли покупатели. Так что зрители у нас были, и завистников среди них хватало.

И вот на нашу Киру запал высокий, красивый, крутой парень. Он был постарше, умел ухаживать, точнее, у него были для этого все возможности. Я Киру поддерживала: на то и молодость, чтобы не скучать. Я снаряжала её на свидания. Ну, вы знаете, как это бывает: «Все пропало, мне нечего надеть!» Так вот, помогала найти в ее несметном гардеробе то, что подойдет именно сейчас.

Прошу прощения, что отклонюсь от темы, но вспомнился один довольно показательный случай. Мы, четыре подружки (я еще продавцом работала), поехали в мой любимый Калининград. Сняли в гостинице два номера рядом в блоке: отдельные комнаты с общим холлом и ванной комнатой. Естественно, каждая из нас взяла все свои наряды, так что чемоданы с трудом застегивались. Что, вы думаете, мы делали с утра? Естественно, горевали, что нечего надеть. Мы мерили одежду друг друга и одалживали понравившееся платьица: так и бегали из комнаты в комнату, вертелись у зеркал и примеряли чужие наряды (благо, у всех в молодости одинаково хорошие фигуры).

В эти новогодние каникулы мы встречались с подружками и устроили вечер воспоминаний. Как же мы смеялись над одной из фотографий, на которой все были в платьях, заимствованных друг у друга! Прошло много лет, но ничего не изменилось. В наших чемоданах по-прежнему не находилось подходящей одежды, а вот у подружек все было в самый раз!

Итак, Кира влюбилась, закрутился роман. Однажды после очередного свидания в ресторане за бутылочкой «Мартини» они проснулись вместе в Кириной постели.

Ну, теперь они пара. А через неделю, когда можно уже было говорить откровенно, выяснилось, что Кириин парень недавно вернулся из мест, не столь отдаленных, что он «бригадир» и у него есть и свои «шестерки», и своя «вотчина», которая не связана с коммерсантами. Так что догадывайтесь сами, в какой области у него были интересы. И что теперь? Мы с Кирой посидели на кухне, хорошо выпили и решили, что ничего не поделаешь: против любви не попрешь. Раз так случилось, значит, так тому и быть. Надо было устроить девичник и правильно донести до подружек, что в наших семейных тусовках меняются... Ну, как это назвать по-русски? Взгляды, энергии, мораль, мировоззрение? Слов в те времена таких не знали и не употребляли. И вообще, раньше не могло возникнуть таких щекотливых ситуаций: она из интеллигентной семьи, мама – известный профессор-биолог, сама с высшим образованием, а жених у нее бывший зэк и имеет престижную работу – «бригадир». Этот девичник, эти посиделки-объяснялки были первыми, поэтому мне запомнились. Помните про «первый раз»? Так вот мне кажется, слишком много всего у нас в тот год-полтора было впервые. Впрочем, организм быстро адаптируется к переменам – перестает удивляться и реагировать. Мозг так и хочет устало, с ленцой, спросить: «Ну что там у вас еще?» А у нас все хорошо! Обалдеть, как у нас все замечательно! Не успели мы справиться с одной ситуацией, как в дверь постучалась новая проблема. Она была связана с другой моей близкой подругой – Ириной.

В первый раз я увидела Ирину на аэробике. Она показалась мне яркой, уверенной в себе, настолько энергичной, что, казалось, даже воздух вокруг неё искрится. Мне очень захотелось с ней подружиться, но подойти и познакомиться я постеснялась. Но, видимо, наша дружба была предопределена свыше. Примерно через неделю меня обязали присутствовать в качестве представителя нашей школы на районной конференции учителей. Изрядно опоздав, я на цыпочках, стараясь не шуметь, боком пробралась к свободному стулу в предпоследнем ряду и, обернувшись посмотреть, кто сидит рядом, увидела смеющиеся глаза Ирины. Пока мы в перерыве курили, она мне рассказала, что наблюдала за мной, как я безуспешно пыталась никого не побеспокоить, прокладывая путь к свободному месту. После конференции мы вместе поехали домой, говорили и не могли наговориться. У нас нашлось много общего: ровесницы, работали учителями математики в соседних школах нашего поселка; у обеих от первого брака сыновья с разницей в год; живем в соседних домах. У Ирины сильный характер, она реалистка. Видела и принимала мир таким, какой он есть, умела лавировать в сложных ситуациях, подстраиваться, приспосабливаться. А я – нет. Для меня не существует полутонов: или белое, или черное. Иногда я за нее хваталась, как утопающий за соломинку. Её житейская мудрость не раз выручала меня из беды, в которую я попадала из-за своего максимализма.

У Ирины был младший брат, как и у нас с Кирой. Но наши ещё учились школе, а её уже где-то работал. Ира своего брата очень любила, даже, можно сказать, боготворила. Это теперь я понимаю, что мы всю недополученную родительскую любовь переносили на своих младших братьев, поэтому в нашей любви к ним примешивалось материнское начало. Родители бросали на нас своих маленьких детей, доверяя нам заботу о них. Рано мы становились матерями. У многих девочек, к сожалению, с рождением младшенького брата или сестренки заканчивалось детство. А мы в эти дочки-матери играли самозабвенно, только вместо кукол у нас были настоящие живые детки, не достигшие года. Родители думали: «Ах, какие хорошие у нас девочки растут! Как с братьями и сестрами хорошо управляют – и накормят, и спать уложат, и попки помогут, и в чистое переоденут, и погуляют, и поиграют». А теперь эти рано повзрослевшие женщины ходят к психологам и ищут, где их внутренний ребенок затерялся, где он прячется и плачет. А он, бедолажечка, всю жизнь горюет, потому что не доиграл во дворе с друзьями, не посмотрелся мультиков. Он был мамой и папой для своего маленького брата и сестренки и, как ни странно, не очень любимым ребенком у матери. Вот эти старшие дочери всю жизнь и пытаются у своих матерей то ли заслужить любовь ежечасной заботой, то ли купить ее, оплачивая долги младшеньких...

Однажды ночью меня разбудил громкий стук в дверь. Прибежали из палатки: дебош, бандиты (похоже, местные парни) собираются все поджечь, требуют денег и выпивки. Продавец успел выбежать, закрыть дверь – и ко мне. Я быстро оделась – и бегом к палатке. Что я вижу? Меня грабит брат моей подруги Ирины! Я наехала на него, не выбирая выражений – к тому времени я уже стала и борзой, и наглой. А он мне и говорит: «Аня, нам срочно нужны деньги, и мне не важно, что ты подруга моей сестры. Ты мне очень нравишься и все такое, но работа есть работа. Это днем ты ее подруга, а я ее брат. А сейчас я бандит, а ты коммерс».

Это было в три часа ночи. А в этот же день, но уже ближе к шести вечера, я приехала к своей подруге Ире с цветами и огромным набором эксклюзивной, по тем временам, косметики для волос «Шварцкопф» – у подруги был день рождения. Собрались близкие и друзья: естественно, Кира со своим мужем-«бригадиром» (она уже была посвящена в подробности ночного происшествия), родители Ирины. Мы начали выпивать-закусывать и тут – звонок в дверь. Ирочка побежала открывать. Охи, ахи. Ира wpłyвает из прихожей в комнату, счастливо уткнув лицо в огромную охапку белых роз. За ней заходит ее брат, все восхищаются его любовью и заботой: у матери светятся счастьем глаза, отец горделиво посматривает на нас, вот, мол, какого сына взрастил и воспитал. А я смотрю на всех и думаю: «Ну, и что теперь со всем этим делать? Вот ситуация!» Я видела, как они гордятся своим мальчиком и не знают, что он ночью

вытряс денежки вот на этот букетик из нас с Кирой. Они вообще еще не догадывались, где и кем работает их сыночек и братик. Мы молчали. Ведь если скажем Ире, она сильно расстроится. Если скажем своей «крыше», кто нас грабанул, так они его могут и того... самого... совсем... За столом ему было не так весело и комфортно, как ночью у палатки. Днем он был хорошим, послушным, заботливым сыном и братом. В этот вечер эта роль давалась ему с трудом.

Еще одно понятие нормы, этики, морали полетело в тартарары. Если нас грабит чужой, то это нельзя, и «крыша» будет наказывать. А брату любимой подруги нас грабить можно, потому что мы... никому не скажем. Так и случилось: мы никогда не поднимали этот вопрос, и от нас Ира не узнала, чем занимается ее брат. Со временем многое стало известно, ведь мы жили в одном поселке. Но по-прежнему оставались запретные темы, на которые не принято было говорить ни с кем и никогда: даже жене с мужем, сыну с отцом, дочери с матерью, с ближайшими друзьями и подругами. Стало много правды, которую человек прятал от самого себя. Иначе как, скажите, пить, веселиться за одним столом с убийцами и ворами, восхищаясь подарками, купленными на грязные деньги?

В моей семье тоже началась свистопляска. Муж по статусу в семье и характеру – хозяин, а по совместительству – мой водитель. А поскольку он распоряжается всем в доме, то, конечно, знает, что надо делать моим подчиненным. То есть, он захотел порулить бизнесом. При этом не спешил заниматься рабочими вопросами, ему хотелось руководить, давать указания. Мне кажется, что только спустя много лет до него дошло, что бизнесмен из него никакой, его потолок – продюсирование.

Вообще мы сами лишь недавно начали по правилам строить бизнес, осознав, что это целая наука. Бизнес – это долгие годы упорной, кропотливой работы с применением всех интеллектуальных и физических сил, с бессонными ночами и круглосуточной ответственностью. Мозг делового человека ни минуты не отдыхает. Он, бедолага, прикладывает огромные усилия, чтобы хоть на пару часов его отключить. Но со стороны все выглядит иначе: бизнесмен всегда энергичен, на адреналине, хорошо одет (это спецодежда, просто непосвященные не догадываются), и у него есть деньги. Внешне все спокойно, респектабельно, благополучно, а внутри – работа тридцать два часа в сутки.

Нет, я не ошиблась, именно столько. У делового человека мозги работают в ускоренном режиме. Вы еще не задали вопрос, а он уже вам все разжевал и в рот положил. Не замечали, как проходят совещания у успешных руководителей? Сотрудник еще только свой отчет на стол положил, а руководитель уже на все его ошибки указал. Если бы все так ответственно и много работали, как бизнесмены, все были бы богаты. Но люди не хотят растрачивать себя: деньги хотят, а работать – нет.

Вот и мой муж, ничего не понимая в бизнесе, только видя красивую картинку отлаженной, как часовой механизм, работы, решил высказывать свое видение бизнес-процессов. Подчиненные потихоньку психовали, не понимая, чьи указания им выполнять. А я металась между двух огней: дома он хозяин, а тут он кто? Как ему заткнуть рот и указать его место? Сделать это оказалось сложнее, чем я думала: муж увидел, какое количество денег проходит через наши руки.

Для бизнесмена деньги, вложенные в бизнес, не являются деньгами как таковыми. Они для него всего лишь цифры, которые в одном столбце – как выручка, а в другом – как товар. Предприниматель не любит изымать деньги из оборота. Для него это не денежные средства – это поставки, модернизация, технические средства, то есть прибыль. Жены бизнесменов знают, как сложно выпросить у мужа денег на домашние расходы или одежду и обижаются, что для бизнеса ему денег не жаль: все вкладывает и вкладывает, а вот шубку или машину покупает по остаточному принципу.

Я в данном случае на стороне предпринимателя – в мире бизнеса свои законы, не будешь им следовать – не будет развития, движения вперед. Но у большинства совершенно иное отно-

шение и к бизнесу, и к деньгам. Для людей денежные знаки – это средство, с помощью которого можно получить все блага мира. И они хотят достичь всего сразу и как можно быстрее. Именно к такой категории людей относился мой муж. И если раньше мне приходилось защищать свое дело от посягательств посторонних, то теперь мне пришлось держать оборону и дома. Кроме того, деньги нужны были моим родным, близким. И я щедро и без сожалений тратила на всех столько, сколько у меня просили. Ох, Аня, Аня...

Мне сейчас в голову пришел такой пример. Вы взрослый человек и заведуете семейным бюджетом. В ваших руках сосредоточены все ресурсы и ответственность. Вы планируете, сколько купить продуктов, что приобрести из бытовой химии, сколько отложить на бензин и так далее. А возле вас полукругом стоят ваши детки, которым не интересен ни бензин, ни хозтовары, они хотят в кино и в Макдональдс. Вы же не станете давать им денег на все, что они попросят?! А я давала... Я раньше уже говорила, что честно носила свои розовые очки, сквозь которые эти взрослые «детки» казались мне умнее и опытнее, чем я сама. Я как будто играла в игру «магазин»: продавала и покупала, пила с подружками чай, в моем мире все было про «любовь, дружбу, жвачку». И это не притворство. Имея хорошее образование, математический склад ума, занимаясь серьезным, ответственным делом, я, в общем-то, оставалась неопытной дурочкой. В семейных отношениях – в первую очередь.

Прошло еще несколько месяцев активной жизни, и нам предложили взять в аренду помещение. Это была пристройка к жилому дому, где раньше располагалось кафе. Я решила сделать там классный ресторан клубного типа. В Прибалтике такие были, а в России еще встречались редко. Начала я с персонала. Поскольку перевоспитать бывших работников торговли и общепита было невозможно, я набрала молодежь и научила их готовить те блюда, которые хотела видеть в меню. Мои принципы были просты: во-первых, в процессе приготовления нужно все взвешивать и записывать; во-вторых, делать ставку не на разнообразие, а на качество и оригинальные рецепты. Меню я составила из блюд, которые любила есть сама, моя семья и друзья. Главной фишкой стали десерты: я достала все свои студенческие рецепты, вспомнила ассортимент любимых латышских и литовских кафе и составила десертную карту. Следующей задачей были официантки. Чтобы они научились правильно работать, я каждый день приезжала обедать или ужинать, они обслуживали меня, а потом мы делали разбор, выявляли слабые места и практиковались.

Важным вопросом стало развлечение гостей. Прежде всего я нашла хорошего ди-джея с современным подбором музыки. «Вишенкой на торте» стало стрип-шоу. Тут пришлось попотеть. Мало было найти тех, кто согласен танцевать, надо было научить их, как это делается. Я нашла видеокассеты с фильмами, где были сцены танцев в барах и клубах, затем отыскивала девочку-хореографа, которой было интересно поставить такое шоу. Затем начались репетиции и шитье костюмов.

Кира занималась административными вопросами. Иногда мне казалось, что мы никогда не откроемся: предписание за предписанием, новые требования – одно за другим. И везде – пакеты, конверты, пакеты, конверты. Я хотела получить разрешение работать не до двенадцати ночи, как все рестораны, а до двух. Сами знаете: после полуночи все только начинается. Кира билась за ночные часы, как тигрица. Наверное, в те месяцы мы совсем сорвались с катушек. Не буду говорить о Кире, так как мы эту тему никогда не обсуждали, но я – точно. Возникло твердое убеждение, что всех можно было купить, дело лишь в цене вопроса. Мы ходили по административным кабинетам, платили деньги и получали необходимые разрешения. Если мы не могли чего-то добиться самостоятельно, подключалась «крыша». Можно было приехать домой к сотруднику любого ведомства: пожарной и санитарно-эпидемиологической службы, к муниципальному чиновнику, даже к главе администрации поселка и районного центра – и получить необходимую справку или подпись. Наши торговые точки уже находились во многих посел-

ках, подчинявшихся разным административным центрам, но везде было одинаково продажное руководство.

Я стала резкой, надменной. Я покупала их и презирала их слабость, их холуйские взгляды, их жалкую игру во власть. Все измерялось количеством денег. Вот сидит человек в кабинете и строит из себя специалиста, показывает свою важность, строгость, следование закону. И как он меняется, когда видит сумму, которую ты кладешь на стол (без конверта, конечно, так эффектнее). Как он начинает мельтешить, подобострастно вскакивает и бежит закрывать дверь, чтобы никто случайно не зашел. Как он пытается делать строгое лицо, смотря на деньги, лежащие на столе. Но его выдают глаза: он уже считает, сколько там лежит. Человек не понимает в тот момент, что я смотрю на него, как в театре. У него все в мимике, в движении глаз. Он уже продан, готов подписать и выдать любой документ. Но ему хочется при этом сохранить лицо, свое мнимое достоинство. А ты уже не скрываешь своего презрения, потому что он – протянул руку к деньгам. Даже видя и понимая, как ты на него смотришь, он всё равно не убирает руку, а ведь мог бы. Но нет, он слаб. Он хочет эти деньги взять...

Продажность властей привела к полной потере уважения к ним со стороны народа. Однажды мэра нашего поселка, любителя выпить, вывезли в лес в течение рабочего дня, «отделали» и привезли обратно. Никаких последствий! Оказалось, что он не вышел на работу, сказавшись больным (запой – известная русская болезнь), а кому-то срочно потребовалась важная бумажка. Так этот человек обиделся и наказал мэра – «хозяина поселка» отметили как последнюю «шестерку». С тех пор мэр начал носить печати с собой, понимая, что если не может пойти на работу из-за плохого самочувствия, то всё подпишет на дому. История эта, как это обычно случается в небольших поселках, немедленно стала известна всем.

Итак, мне было двадцать восемь лет, когда в моей голове сформировалось новое понятие о мире: «Всё и всех можно купить». У криминала в это же время сформировалось свое понятие о мире: «Всех и вся можно убить».

Начали пропадать заведующие государственных магазинов. Через недельку-другую такие магазины банкротились, затем их выкупали у мэрии за копейки новые хозяева. Трупы прятали, но не особо тщательно. Говорят, водолазы приходили в шок, когда в купальный сезон искали в близлежащих водоемах утопленников. Трупы, не один и не два, находили на дне – они стояли, замурованные ногами в тазы с бетоном. Их даже не вытаскивали, иначе много вопросов возникло бы к милиции. Поэтому все делали вид, что ничего не знают и не видят.

Первоначальный шок исчез, и дальше всё было ещё страшнее. Трупы уже никто не прятал: после разборок убитых оставляли там, где «разговоры разговаривали». Не щадили никого: ни молодых женщин с маленькими детьми; ни мужчин – единственных кормильцев в семьях. Сейчас это называется рейдерскими захватами. Криминал начал переводить государственную собственность в частную. Бандитские сообщества разрастались на глазах. Куда ни сунься, почти в каждой семье – или коммерсант, или бандит. У наших подруг, приятельниц, продавцов бандитами стали мужья, женихи, братья.

Мы все начали дружить семьями: собирались играть в лото, выезжали на шашлыки, отмечали праздники в ресторанах. Родственники, по-прежнему, хотели от нас много денег: родители, младшие и старшие братья и сестры, тети и дяди. Приходилось оплачивать их безбедную жизнь. Подарки, продукты, одежда, поездки в отпуск, квартиры – на всё надо было зарабатывать. И никто не спрашивал, какими усилиями, нервами и слезами это давалось.

Я скажу то, за что, может быть, меня осудят. Мне самой больно об этом говорить. Но все-таки я решусь поднять одну из тем, ради которых я вообще пишу эту книгу. Я считаю, что наши родители, все старшее поколение, нас предало. Предало своих детей. Предало и продало за материальные блага. В результате выжившие получили убогую старость. А многие и не дожили – сошли с ума, умерли в страданиях от болезней, спились и погибли. Я давно не живу в том

подмосковном поселке, но там остались наши друзья. Из разговоров с ними узнаю, что многих не минула чаша сия. Пришло время собирать камни...

Посудите сами. Родители, наблюдая за сыном или дочерью, не понимали, откуда берутся продукты, деньги и подарки?! Что это за работа, которая начинается вечером, а заканчивается в четыре-пять утра? Почему нельзя увидеть место, где работает твое чадо: палатку, офис, заводскую проходную? Почему с работы дочь возвращается обкуренная, пьяная, пропахшая неизвестно чем? Почему вечером сын уходит с другом на работу в ночь, а утром мать друга стучится в дверь в истерике – ее сын убит! Почему родители делали вид, что ничего не происходит? Почему они брали эти грязные деньги у своих детей? Почему принимали подарки, купленные на деньги, заработанные грабежами и убийствами? После «терок», «стрелок», «разборок» молодёжь приезжала в родительские дома и дрыхла до обеда. А матери стирали перепачканные (в том числе и кровью), рубашки, готовили обеды. И что? Неужели никто ничего не понимал? Совсем? Более того, родители хвастались заботливыми детьми перед соседями и гордились, что их сыночек или доченька стали кормильцами семьи. А потом слезы на похоронах... Как же так?

Могло быть по-другому? Могло!

Надо было говорить «нет». Отцу – бить морду сыну за пистолет в сумке или набитые деньгами карманы. Матери – отказаться от сумок с дефицитными продуктами: «Откуда это, доченька?» Не брать, выкидывать на помойку, не допускать в дом грязные деньги. Следовало говорить «нет»! А они говорили: «Да! Больше! Молодец! Еще!» А если кто-то из подростков детей не хотел или не мог так жить, то ему тыкали в соседа Петю или Васю, который (молодец какой!) хорошо заботится о родителях и сам на машине, одет, при деньгах, и друзья у него такие же успешные.

Начинающих предпринимателей это тоже касалось. Неужели наши родители не видели, какими мы становились? Наглые, высокомерные, мы перестали уважать всех вокруг. Мы швыряли деньги направо и налево, тратили неприличные суммы, решали все вопросы взятками. Надо оплатить обучение брату? Пожалуйста! Надо заплатить врачам? Да не вопрос! Надо получить разрешение на участок, а вы там себе лишнюю землю захапали? Договоримся! Надо шубку, сережки, летний отдых? Получите!

А вы все хотели и хотели. Без меры и стыда. А мы все давали и оплачивали. И в конечном итоге решили, что весь мир у наших ног. Слишком молоды (а многие и юны) были мы для такой вседозволенности и больших денег. Собственно говоря, мы покупали у родителей разрешение на плохое и даже неприличное поведение – если мы даем деньги, значит нам можно всё. Взрослые отошли в сторону и гордились своими успешными чадами. Вот поэтому я и говорю, что виноваты мы все. Тот, кто не делал, но брал деньги – тоже виноват. Тот, кто молчал – виноват. Тот, кто делал вид, что не видит происходящего – виноват вдвойне.

Теперь это касается всех. Но уже поздно...

В декабре 2014 года я разговаривала с сыном в «Скайпе». И он поделился со мной своим решением, которое не хотел озвучивать раньше, чтобы я не расстраивалась. Утром я отправила ему имейл. И хотя он ни разу не сказал, что получил это письмо, он все-таки переменял планы и никуда не поехал.

Вот мое письмо к сыну.

«Мне не уснуть сегодня.

Хожу по квартире кругами и мысленно разговариваю с тобой. Чтобы хоть как-то успокоиться, села писать дневник, а потом подумала – лучше я напишу тебе письмо.

Я не была готова к этому разговору, поэтому не уверена, что мне сразу придёт в голову все, что я хочу тебе сказать.

Я знаю – твои размышления серьезные, о таком не шутят, тем более с близким человеком.

Смерть – страшное событие. И то, что у тебя пока нет детей, вовсе не означает, что ты не сможешь понять мои чувства. Давай представим, что я позвонила тебе и сказала: „У меня рак и через полгода меня не станет... Ты не увидишь больше, как я улыбаюсь, не узнаешь, о чем я мечтаю... Больше ты не сможешь мне звонить, у тебя не получится меня обнять, теперь ты будешь один“.

На войне умирает намного больше людей, чем остается в живых. И я останусь одна. После меня – никого. Многие вещи, которые сейчас важны и интересны, станут совершенно незначительными по сравнению с тем, что тебя нет в этой жизни.

Можно сказать, что все умирают, и я тоже умру, но это не значит, что твоя жизнь перестанет иметь наполнение и смысл. Есть порядок: дети знают, что родители умрут раньше – таков закон природы. Но когда ребенок уходит в молодом возрасте, для матери это противоестественно, потому что именно она дарит ему жизнь. Рискуя своим здоровьем и благополучием, мать старается защитить своё дитя.

Невыносима мысль о том, что после меня никого не останется.

Если ты примешь решение пойти воевать – это будет точка невозврата. Вне зависимости от того, чем закончится для тебя эта история, даже если судьба будет к тебе благосклонна, и ты выживешь, Рубикон будет пройден.

Я против этой войны. Я против того, что страна поставляет оружие, людей, деньги и из-за этого гибнут дети, женщины, мужчины. Для меня это война олигархов и амбиций. Человеческая жизнь здесь не в счет. Люди живут, надеются, любят, а потом их всех убьют. Просто так. Без видимой на то причины, мотива или идеи. Убьют, потому что они родились на земле, которая сейчас кому-то нужна. Кому? Убийцы защищают тех, кого убили? Или еще не успели и сделают это завтра?

Мой сын собирается поехать на чужбину. И каждый показанный по телевизору ребенок, женщина, солдат армии – молодой пацанчик, призывник восемнадцати лет – может быть убит моим сыном. Если ты решишь уехать, я сразу стану матерью убийцы. Да, нам кажется, что мы в ответе только за себя, но это не так. Каждый лишенный жизни станет членом нашей семьи. И его непрожитая жизнь, неиспытанное счастье, так и нерожденные дети обернутся горем для нашей семьи. Мысль о том, что я – мать убийцы, мне придется пережить по полной. Как в духовном, так и в социальном плане.

Это убьёт смысл моей жизни. Неужели всё было напрасно?! Сын, которого я очень люблю, которым горжусь, за которого радуюсь, собирается взять оружие и защищать непонятно кого, в чужой стране, на чужой земле.

Я ПРОТИВ!

Ты знаешь, я во многом тебя поддерживала и поддерживаю до сих пор. Я радуюсь, когда ты стараешься жить интересной и творческой жизнью. И ты помнишь, что я принимала даже те твои решения, которые мне совсем не нравились. Но если ты решишь уехать воевать, я не смогу найти для себя ни одного шанса для утешения и ни одного слова оправдания – для тебя.

Я просто стану матерью убийцы, и в моей душе будет зияющая рана, и сердце будет спрашивать: получается, что все, что ты делала для своего сына, было для того, чтобы он пошел убивать? Все эти тридцать лет для этого?

Сыночек, неужели это так?...

Почему, когда у тебя есть крыша над головой (Господи, сколько ночей я не могла уснуть, переживая, что у тебя нет своего угла); деньги на то, чтобы заниматься тем, что ты хочешь; здоровье; красивое тело; ум; талант; любящая семья – все это надо похоронить ради чужой войны? Там ты не будешь защитником. Я, твоя бабушка, твой дядя, тетя, двоюродные братья и сестра не живут в той стране. Можно защищать тех, кого любишь, своих родных, близких. Почему тебе вдруг стала близка сторона, которую мы все считаем чужбиной?

На войну идут с родительским благословением, а с чем пойдешь ты? С нашим горем?

Почему ты хочешь все бросить и либо умереть постыдной смертью, либо вернуться домой в чужой крови? Это не будет героическим поступком или смертью героя. Рано или поздно, но военных преступников будут судить. Кто-то должен ответить за гибель мирных людей.

Если это была шутка, то мне не смешно. То, что я сейчас переживаю, я даже словами не смогу передать. Для описания страданий души слов нет, только слезы скорби. И за сегодняшний вечер я выплакала их немало, да и завтра уже не будет счастливым для меня. В очередной раз рушится мой мир, и от моих желаний и радости остается только пепел. Что за жизнь у меня такая нелегкая? Неужели нет мне ни счастья, ни радости, ни покоя в этом мире?

Подумай обо всем, отнесись ко всему серьезно. Дороги обратно не будет ни для кого. Наш мир и так очень хрупок, сейчас всем нужно спокойно делать свое дело, каждому – свое и на своем месте. Нас и внутри страны лихорадит, не до резких движений сейчас. Всем нужно успокоиться и сесть за стол переговоров. Зима на носу.

Я тебя очень люблю. Твоя мама».

Дети вырастают. Им кажется, что они уже понимают жизнь и по многим вопросам могут принять серьезные взвешенные решения. Но у них ещё нет опыта последствий судьбоносных ошибок. Они ещё не были от боли при осознании невозможности вернуться во вчерашний день. В моем поколении многие с этой болью начали жить слишком рано.

Надо было с нами разговаривать. Надо было не бояться называть вещи своими именами. Но...

Недавно подруга рассказала мне историю своей бывшей начальницы, владелицы здания, в котором раньше располагался крупный универмаг, а она была его директором. Внучка втихаря от бабушки стащила документы, подделала подписи и продала черным риелторам половину этого здания. Когда бабушка обо всем узнала и стала читать внучке нравоучения, та ей ответила: «А что ты хочешь? Я ведь дочь бандита». У этой женщины был единственный сын, и он, действительно, был известным на весь город бандитом, который «помогал» приватизировать этот универмаг. Жил он недолго, сложил голову в бандитских разборках, дочь росла, как сорная трава, поэтому нет у нее уважения ни к отцу и его деятельности, ни к бабушке и ее имуществу. Обычная история, даже обыденная.

У моей сотрудницы, воспитывающей с мужем (водителем электропоезда) двух девочек-близняшек, в тот год погиб брат, который был на два года её старше. Мать на похоронах сына сказала ей: «Лучше бы ты, чем он». Вот так! Лучше смерть молодой женщины, умной, образованной, жены и матери, чем смерть сына-бандита, который сам выбрал такую судьбу. Лет через десять у её матери помутился рассудок – она умерла в психиатрической клинике.

Через год был убит брат Иры. Его нашли в лесу. Его даже не убили, а забили – рубашка намертво впечаталась в изодранную кожу.

Вот истинная цена той радости, которую испытывала мать, когда сын приносил дорогие продукты и деньги. В этом, действительно, заключается гордость отца? Сколько таких матерей и отцов по стране, делавших вид, что ничего не происходит, а потом рыдавших на могилах сыновей? И нет здесь никакого «тлетворного влияния Запада». Мы еще толком про Запад даже не знали, ни наши родители, ни мы, их дети, воспитанные в СССР.

Так, может, перестанем врать нашим детям, что там, в Советском Союзе, было хорошо! Может, мы перестанем учить их уму-разуму, если сами не знаем, как правильно? Мы все сплеховали, два поколения подряд. И нам страшно об этом говорить. Как мы можем научить наших детей строить будущее? Ведь мы до сих пор боимся рассказать им всю правду о себе, о бабушках и дедушках. Нам страшно, что наши дети могут от нас отвернуться...

А тогда, в лихие девяностые, мы все-таки открыли ночной клуб-ресторан! И мой муж захотел стать... бандитом.

Как у Розенбаума: «Гулять – так гулять, стрелять – так стрелять!»

Глава 5. Предательство без срока давности

ЭТА ГЛАВА целиком посвящена моему мужу, хотя она не про любовь...

Ему быстро наскучило работать у меня водителем и помогать в бизнесе, но деньги, которые я зарабатывала, его по-прежнему интересовали.

Государство в тот год решило в очередной раз «осчастливить» свой народ и объявило программу: «До двухтысячного года каждой семье – отдельную квартиру». Администрации поселков Подмосковья, земельный фонд которых значительно расширился за счет бесхозных территорий бывших государственных и профсоюзных дач, начали предлагать тем, кто стоял в очереди на улучшение жилищных условий, участки под строительство частных домов. Для муниципальных властей это было легким решением. Мол, квартиру мы вам построить не сможем, а вот участок выделим, и вы уж сами как-то с этим разбирайтесь. Муж решил, что нам нужен дом. Мы стояли в очереди, поэтому быстро получили участок под строительство – пятнадцать соток, сосны, белочки. Но хочу сказать – даже если бы и не стояли, то получили бы. Пришлось бы немножко заплатить, как Кире. Она тоже решила построить себе дом, но участок ей не полагался, так как прописка у нее была в другом административном округе и в жилье, по государственным нормам, она не нуждалась. Я не хотела строить дом. По многим причинам. Во-первых, я городской житель и не люблю жить в доме за трехметровым забором. Во-вторых, уверена, что дом – это денежный насос, который будет выкачивать все средства семьи. В-третьих, меня напрягала мысль: кто будет убирать в этих хоробах? Обычная история: приходят гости, все едят и пьют, а потом ты наводишь порядок. Я, конечно, предпочла бы купить трехкомнатную квартиру, но рынка жилья в те времена еще не было. Поддавшись на уговоры мужа, опять совершила очередную ошибку. Строительство дома принесло мне много личного горя. Муж решил строить самостоятельно, без меня, моих желаний и моего мнения. Он ведь в семье главный, а значит и решать будет он. Но беда в том, что строил он на семейные деньги, а девяносто восемь процентов из них зарабатывала я. И он с самого начала стал косячить...

Мне кажется, когда муж дурит на свои кровно заработанные, это жена еще как-то может перенести (хотя все равно будет возмущаться). Но когда косячат, а ты оплачиваешь этот банкет, работая по восемнадцать часов в сутки, – это начинает вызывать внутренний протест. Я была самостоятельна, знала, как «делать дело», у меня был успешный бизнес – значит (рассуждала я) мое мнение имеет ценность. Но муж все то время, пока шло строительство, говорил, что это не моя задача и что мое мнение его не интересует. Со временем мне вообще стало неинтересно про этот дом. Про дом, в котором я всегда буду гостьей. Но этого было мало. Мужу понравилась криминальная вольница. За примерами далеко ходить было не надо. Мы жили в одних домах, рядом друг с другом, ставили машины на одних стоянках, сообща отмечали праздники. Мужу, видимо, импонировало, как в других, отличной от нашей, семьях, устроен быт и налажено общение. Там жены не могли и носа сунуть в доходы, а главное, в расходы мужей-бандитов. Вот и он захотел бесконтрольной жизни и шальных денег. Мои уговоры, призывы к морали, здравому смыслу не очень помогали. Мне пришлось пустить в ход тяжелую артиллерию. Я выставила мужу ультиматум. Во-первых, я пригрозила обратиться к его отцу. Его отец обладал достаточными связями, чтобы скрутить сыночка в бараний рог. Во-вторых, я напомнила, что муж не сможет сохранить связь с авиацией. Не получится сходить в отпуск, поиграть в бандиты и вернуться обратно, как ни в чем не бывало. В-третьих, мы сразу же разводимся, так что пусть определяется, с кем он. В первый же рабочий день в «новой должности» он будет холост и совершенно свободен.

В бандиты муж не пошел, но вывернул дело так, что в итоге стал жить бесконтрольно, тратить деньги без меры и счёта. Я прожила с ним десять лет, а следующие пятнадцать разбиралась с помощью психологов, что со мной было в те годы не так.

Как женщина, которая может выйти на стрелку и стоять под арбалетом, не дрогнув ни одним мускулом, шаг за шагом, позволяла мужчине, которого любила, так поступать с собой. И здесь ключевое слово не «любовь», а к моему глубокому сожалению – «детские травмы». Но о них мы поговорим попозже. Поэтому, уступки мужу были для меня проявлением любви. И, естественно, моих розовых очков, через которые я смотрела на жизнь, на любовь, семью, дружбу. Вы еще не задались вопросом: «А где мой ребенок?» Я так складно вам все рассказываю, что создается впечатление, что у меня его как бы и нет. Он есть. Но история моего материнства заслуживает отдельного разговора, поскольку здесь тоже было все не так просто, как видится со стороны.

С мужем мы стали жить в параллельных мирах, пересекаясь буквально на несколько часов в сутки. Как я и ожидала, с началом строительства включился денежный насос. В основном наше общение дома выглядело так:

- Аня, нам нужно столько-то денег на то-то и то-то.
- Но ты уже брал на это деньги.
- Да, но там оказалось... (на выбор: брак, «попадалово», «что-то намудрили»), словом, надо переделать... – он подходил ближе, меняя тон и начиная ласкаться.
- Давай в следующем месяце. Я хочу развеяться, может, купить себе что-то красивое, – отвечала я, перестраиваясь на игривый лад и мысленно рисуя картинки девчачьих трат.
- Лучше сейчас поднапрячься, а потом, в следующем месяце, уже передохнем, – он начинал меня уговаривать, как неразумное дитяtko.
- Ты мне это и в прошлом месяце обещал, – мне было уже не до нежностей.
- Аня, представляешь, у тебя будет спальня сорок метров и своя терраса-балкон. Ты утром будешь пить кофе и смотреть на белочек, – он рисовал в моем воображении прекрасный мир будущего.
- Классно. Сделай для меня большие балконные двери – я буду лежать на кровати и смотреть на восход, – продолжала я, представляя, что уже живу в доме.

– Слушай, не парься. Я знаю, как лучше. Я же не лезу в твой ресторан... – он переставал обнимать, пропадала интимность в голосе. – Мне надоело, что жены вечно нет дома, но я же молчу... И вообще, я ведь для тебя стараюсь, – он снова на полную мощность включал свое обаяние. – Вот проснешься утром и...

– Нет, столько денег нет, – продолжала я резко, уже со стальными интонациями. – Не хочу в этом месяце всю прибыль тратить.

– Знаешь, а нафига ты вообще тогда работаешь? Надо с этим всем завязывать. В конце концов, у меня есть профессия, будем жить на то, что принесу в дом.

Обычно после таких слов он поворачивался ко мне спиной и глухо бубнил в сторону:

– Зато будешь дома, семьей займешься...

Со временем я научилась эти разговоры переводить на взрослый язык. Получалось коротко и содержательно:

– Аня, я потратил все огромное количество денег и мне нужно еще.

– Любимый, ты не потратил, а «просрал» огромное количество денег, и пошел ты куда подальше. Я тебе ничего не дам.

– Дело твоё. Тогда сиди дома и довольствуйся теми грошами, которые я принесу. И не будет у тебя ни интересной работы, ни возможностей. Или ты дашь и не спросишь, куда я дел, или сиди дома.

Выбор был невелик: или скандалы, или заткнуть рот деньгами. Скандалы я не любила, конфликтовать в семье не умела (привет детским травмам), зато умела зарабатывать деньги. Через полгода у нас произошло полное разделение функционала: я зарабатывала, муж тратил. И оба пошли вразнос. Я приезжала с работы в два ночи, уезжала в шесть утра. Муж тратил все, и я уже помогала своим родным втихаря, утаивая от мужа и сам факт помощи, и количество денег.

В основном мы стали пересекаться за ужином в ресторане. Потом муж уезжал по своим делам, а я оставалась проследить закрытие или поболтать с подружками. Ну, сами понимаете, дело молодое.

Ох, этот ресторан, ресторан... Как же было классно! Я с детства очень люблю танцевать, вот и организовала себе танцпол при ресторане. Собственный. С правильным ди-джеем, современной музыкой и гарантированным количеством зрителей. Не люблю танцевать, когда на меня не смотрят, не тот цимес. Вот надо зрителя, что ни говори. Показываешь, как ты умеешь – и так, и этак – а потом гордо, походкой от бедра, покидаешь танцпол, говоря всем своим видом: «Посмотрели? Понравилось? А фиг вам! Смотреть можно – трогать нельзя».

Танцевала я красиво, было на что посмотреть. Мы один раз с девчонками, отдыхая в нашем любимом Калининграде, в хорошем ресторане вышли на танцпол. От души натацевались так, что немцы (к тому времени уже открыли границы, и они начали ездить по местам своего детства, заодно пробуя и хорошую, и дешевую, по их меркам, водку) не смогли сдержать своего нордического менталитета – они повставали из-за столов и начали нам хлопать! Только не думайте, что нас приняли за танцовщиц. Наш стол был накрыт так, что все понимали: молодые девушки пришли в ресторан поужинать и пообщаться. Просто они очень (ну очень!) любят танцевать.

Нам с Кирой и на дискотеке в Дубае арабы аплодировали... Ой, мужчины, если бы вы знали, какой это кайф: станцевать на танцполе так, чтоб у вас челюсть отвисла! Может, у женщин это то же самое, что мужские измены? Просто мужчины всё любят доводить до логического конца, а женщине достаточно одних только взглядов? Мы были еще те «зажигалки». А из всей нашей компании я была самая... зажигалочная. Между прочим, в самом хорошем смысле слова. Сейчас в кино часто используют фразу «ну ты краса-а-ва». А в наше время говорили: «Ну ты звезда!» Что правда, то правда: мы звездил.

В то время появилось два убойных шлягера: «Стюардесса по имени Жанна» и «Желтый чемоданчик». Сотрудники за спиной стали называть меня стюардессой. За то, что в ресторане специально для меня пару раз за вечер обязательно крутили эту песню. А еще за мой внешний вид. У меня был синий костюмчик: пиджачок короткий, приталенный, двубортный с красивыми серебряными пуговицами в два ряда и юбочка по фигуре, выше колен, с разрезом сзади. Белая водолазка, стильные белые полусапожки, с большим количеством пуговиц – я выглядела строго, элегантно и сексуально одновременно. Стюардессы, они ведь там, в небе. Ну и я примерно там же...

Не знаю, за какие такие заслуги перед жизнью, но в одном из клубных ресторанов Москвы шесть лет назад я еще раз танцевала под «Стюардесса по имени Жанна». Ресторан отмечал свой день рождения. Владимир Пресняков, как друг владельца, приехал его поздравить. Когда пришла пора песен, он спросил: «Ну, что вам спеть?» И спел «Стюардессу». Я танцевала и вспоминала все те вечера, всю ту бесшабашность, с которой мы неслись по жизни. Да и у вас, наверное, тоже были в жизни такие моменты... Вот чем-то сильно интересуешься, что-то очень любишь, а пройдет большое количество времени, и ты встречаешься лично с одним из кумиров твоей далекой молодости. Как будто она, твоя молодость, шлет тебе дружеский привет.

При всей внешней успешности внутри себя я уже начала чувствовать надвигающуюся беду. Ясновидением я бы это не назвала, но увидеть картинку будущего во сне – это у меня бывало. Подруги перед поездками частенько меня спрашивали, не видела ли я чего-нибудь. Я рассказывала запомнившийся сон, мы дружно смеялись над приснившимся. А потом, когда сон сбывался, недоуменно смотрели друг на друга: почему мы его не поняли? Вот сейчас все понятно! Но только уже поздно... И поэтому от своих предчувствий я не отмахивалась. Не понимая, отчего моя внутренняя тревога, я начала анализировать всё, что происходит. Что-то не так стало в нашем общении с «крышей». С одной стороны, нехорошее сближение в личных контактах. С другой, их частые и настойчивые предложения расширить бизнес путем вливания в него денег из общака.

Я прекрасно понимала – бандит коммерсанту никогда другом не будет. Взаимовыгодные дела – да, могут быть. Это необходимость, жизненные реалии. Но вот дружба – нет. Кошка не дружит с мышкой, она с ней играет. А мой муж и Кира решили с ними дружить, каждый по-своему.

Кира, видимо, тоже что-то чувствовала. Она девчонка умная и свои знания в торговле получала не только в институте, но и на практике, занимаясь фарцовкой (прибавка к грошовой стипендии). Так что нюх у нее был – то, что надо. Изнанку торговых будней она знала хорошо. Я стала замечать, что, когда Кира проходит мимо одного из наших главарей, у нее появляется игривая походка от бедра. А Кира не про это, совсем не про это... Мужчины никогда не входили в сферу ее интересов. Она любила золото, деньги, меха, машины. А мужчины были так, для галочки. У всех есть – и мне нужно. Конечно, это неосознаваемые процессы. Но со стороны мы всегда видим, какие на самом деле у человека жизненные приоритеты. Для Киры мужчина, а тем более, роман на стороне, никогда таковым не был. Так откуда походка от бедра? Я ее тактично спросила: что да как? Она не сказала «да», но и не сказала «нет». Отшутилась. Значит, появилось что-то, чего я не знаю, и есть причины, по которым рассказывать мне не хотят. Я насторожилась, но, опять же, все на уровне внутренних предчувствий.

Мы все знаем, что такое «служебный роман». Но редко кто догадывается, что часто это не про любовь, а про контроль и лояльность. Руководитель, владелец предприятия заводит отношения с главным бухгалтером или коммерческим директором, иногда ставит свою любовницу на эту должность, чтобы иметь «засланного казачка» в коллективе и всегда знать, что происходит. Начальник хочет осуществлять контроль через личные отношения, следить, с кем общается, что покупает, как тратит деньги человек, который курирует его финансы. Не редки

случаи, когда владелец успешного бизнеса имеет столько «служебных романов» одновременно, сколько у него ключевых замов-женщин. Это хорошо сказывается на работе, так как дамы начинают конкурировать, сливают всю информацию друг о друге, действуя по принципу: «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня». Умный руководитель попеременно «дергает за ниточки», что выливается в серьезные корпоративные войны. Конечно, обстановка нервная, зато контроль и наличие информации. Ах да, что еще важно – преданность.

С мужчинами другая история: бани, девочки, разгуляево. Здесь нужно совместно делать что-то плохое, так сказать, вывалиться вместе в грязи. Если внимательно приглядеться к таким вот банно-прачечным вылазкам, то всем весело, шухер-мухер, но вот самый главный почему-то трезв, уезжает пораньше, сославшись на дела. Казалось бы, он все оплачивает, так почему не повеселиться?... Но он не за девочками вместе со всеми едет. Он смотрит и наблюдает: кто, с кем, как. Потом, при случае, вскользь, он обмолвится о том, что знает (в шутку, конечно), но человек поймет – он на крючке.

Для женщины руководителя все по-другому. Наоборот, никаких контактов ни с кем. Никакой любви, никакой симпатии, никаких романов. Ни с подчиненными, ни с клиентами, ни с конкурентами. Это мир бизнеса и это мужская территория. Была, есть и еще долгие годы будет. Любой восхищенный взгляд, любой комплимент может обернуться шантажом и испорченной репутацией. То, что может делать мужчина-руководитель, женщине-руководителю даже мимо проходить нельзя. И за двадцать лет в бизнесе мое видение этого вопроса не изменилось. Сейчас это можно прочесть в книгах и понаблюдать на примерах в жизни. Тогда, в 90-х, это было внутреннее понимание. Мне даже сослаться было не на что: не было ни подтверждающих фактов, ни книжек, в которых все черным по белому написано.

Я, стараясь соответствовать правильным (на мой взгляд) представлениям о женщине-руководителе, была всем, как бельмо на глазу. Если вы думаете, что умных людей уважают и ценят, вы глубоко заблуждаетесь. Их гнобят. С умными тяжело находиться рядом, они, гады, все знают наперед! И слишком часто, сволочи, оказываются правы. Люди хотят пользоваться твоими умными мозгами, но... не хотят в этом признаваться. Вот и попробуй так подсказать-посоветовать, чтобы никто не обиделся. В открытую показать, что человек – дурак, нельзя. Это будет такая обида, что при случае тебя припечатают по полной – не высовывайся! Так что я себя практически всю жизнь чувствовала между молотом и наковальней. Будешь скрывать мозги – не заработаешь денег. Не будешь скрывать – деньги заработаешь, но к ним в придачу обиду, зависть и затаенную злобу. У каждого свои болевые точки внутри, свои механизмы реагирования и защиты.

Муж завел свою дружбу с *ними*. Ему так нравился *их мир*, что он стал с ними решать всякие дела. Это ведь не только работа, а еще и просто жизнь, будни и праздники, бытовые проблемы в том числе, стройматериалы (строились все!), машины, запчасти, решение административных вопросов для родственников. Мне казалось, что и отдых он начал проводить с *ними* вместе. Врать не буду, за руку не ловила, официально он в измене не «засветился», но интуиция...

Самое худшее, что может сделать для бизнеса жены муж, так это вместе с «крышей» ездить в бани, пить и развлекаться с девочками. Женщина лишается тыла, на который она рассчитывает. В критической ситуации женщина хочет спрятаться за сильную спину, мол, что вы-что вы, я замужем и у нас все про любовь! Самое страшное – она еще не знает о том, что муж ее уже предал, и если что – спина у нее ничем не защищена. Жена не ведает, что в доме – «засланный казачок». Она вслух размышляет (ведь она дома), делится с супругом секретами, мечтает... И всё это – важная информация для «крыши»! Но муж этого не знает. Или не хочет знать?... В бане, в ресторане или ещё где-то он может похвастаться тем, что говорится в доме за закрытыми дверями... А самый главный, вы помните, он не пьет, он не с девочками. Нет.

Он курит и слушает, потягивает сок и наблюдает. Ему сегодня никак, еще надо по делам. Мало кто понимает, что именно сейчас он работает на все сто. Строит схемы. Только не руками, а головой. Поэтому ему нужна информация и компромат, на всех и вся.

Прервитесь, пожалуйста. Закройте глаза... слышите звуки «Аве Мария»?... Побудьте пару минут с женщиной, которая сейчас слушает божественную музыку, наполненную сокровенной нежностью, и пишет эти строки. Послушайте мысленно со мной...

Потому что я тоже прервалась. Но не для того, чтобы послушать музыку, а пойти погулять, подышать штормовым воздухом. Я его люблю. Он наполняет меня силой. В мыслях я расправляю крылья, ловлю сильные потоки ветра и лечу над морем, над бурлящими волнами и... мне хорошо. Но не успела. Мне открылась правда. Может быть, очередной абзац моей рукописи стал фрагментом, которого не хватало в пазле, и теперь я смогла, наконец, увидеть законченную картину. Может предыдущие главы подняли из подвалов моей памяти ту мысль, что промелькнула у меня в страшные минуты моей жизни, но мозг не мог ею заняться. Я стояла у окна, раздумывая, взять с собой зонтик или нет, а через минуту у меня хватило сил только на крик о помощи – я написала в Скайп своей близкой подруге. Я поняла, что могу умереть прямо сейчас. Я пыталась объяснить телу, сердцу: «Не надо! Не сдавайтесь! Ведь это уже прошлое. Даже эта новая правда – это все равно прошлое. Все давно закончилось... Аня, пожалуйста, встань с пола. Ну давай, доползи до дивана». Но кто кого уговаривает?...

Звонок Скайпа заставил меня очнуться и сесть в кресло.

...С большим горем человеку трудно справиться в одиночку, нужен друг. Нужен сильный духом человек, который может разделить твою боль, взять её часть на себя и говорить, говорить, говорить, что ты сильная, что все поймешь, что все будет хорошо... Так и делала моя подруга. Она уговаривала меня прилечь, а я не могла даже встать с кресла, только головой поворачивала и шевелила пальцами рук. А она все говорила, говорила... И я перестала рыдать. И уже просто плакала. Головой все понимала, но вот тело... Надо найти силы дописать эту главу, пусть даже всю ночь придется на это потратить – все равно уже не уснуть.

А без этой главы книги может и не быть. Если я сейчас лягу спать, а завтра вернусь к компьютеру, всё будет по-другому. Ляжет спать одна женщина, а проснется другая. И я ее еще не знаю. Буду с ней знакомиться... Понятия не имею, сколько мне на это понадобится времени. Это как учиться скакать на лошади. Если упал, надо вставать и опять садиться. Если сразу не сел в седло, то можешь потом никогда больше к лошади не подойти. Вот и у меня такое же чувство. Если я сегодня не допишу эту главу, то не допишу никогда.

Хорошо, что мы сейчас пишем не на бумаге. А то я бы уже все листы изорвала в клочья. Но компьютер долбить об стену бесполезно, все хранится в «облаках», на жестких дисках, в накопителях. Подруга в конце разговора пошутила: «Ты, видно, чувствовала, что дело пахнет керосином. Начала выкладывать главы в интернет. Упаришься вот так всё удалять из Сети». И она права.

Я расскажу вам, как и собиралась, все по порядку. А в самом конце поделюсь той правдой, что накрыла меня пару часов назад. Помните, в прошлой главе я писала, что мне хочется ладонью закрыть рот, чтобы невольно не вырвался крик ужаса. Как видно, он был не к прошлой главе, а к сегодняшнему вечеру. Это сегодня я кричала от ужаса, уткнувшись в диванную подушку, и не могла остановиться. Мы чувствуем свое будущее, но не можем ни толком понять, ни обезопасить себя от того, что нам суждено.

...Наша «крыша» хотела больше денег. Их ведь никогда не бывает много. А у нас по договорённости с ними, как и с предыдущими, – конкретная сумма. Изменить условия просто так они пока еще не могли, решили «зайти» с другой стороны. Предложили нам в аренду

помещение под магазин одежды, чтобы в нем мы уже рассчитывались с ними процентом от прибыли. Я была против. Мне не нравится, когда в одном месте считаем так, а в другом – эдак. Да и допускать к цифрам этих ребят было нельзя. У них же в голове другая операционная система. Но Кире идея про магазин с одеждой очень понравилась. Такой вот красивый женственный бизнес. Это тебе не пятитонник с водкой разгружать, пока грузчики упились и валяются в подсобке. Это красиво, интересно.

В конце концов я согласилась, но про себя решила, что этот магазин сразу отдам в ее ведение. Прибыли там особой не будет, она быстро в него наиграется, и все потихоньку сойдёт на нет. Но все оказалось не так-то просто. Все расчеты с «крышей» вела я. И объяснять, откуда эта цифра, откуда другая и почему выручка есть, а прибыли нет – приходилось мне. И с каждым месяцем мне это нравилось все меньше и меньше. Разговоры и выяснения приводили меня к мысли, что ребята решили учиться вести бизнес. Они даже выделили для этого специально человека. Звали его Саша, и он носил очки. Вот, пожалуй, и все. Может, они решили, что если он в очках, то значит, умный?! Не знаю. Умного он из себя, правда, знатно строил, очечки всё свои поправлял, но толку от него не было. В цифрах он разобраться не мог, поэтому думал, что его где-то нае...ют. Обычная, кстати, история: люди приписывают другим своим тайные желания.

Сколько лет живу, столько не могу понять: почему люди рубят сук, на котором сидят? Почему не срабатывает инстинкт самосохранения? Нет! Рубят, пилят, зубами перегрызают... Из всех сил пытаются навредить... сами себе. Странно...

Ребята из «нашей» бригады совсем распоясались. В ресторане они стали вести себя хамски сначала с моими сотрудниками, потом уже и с гостями. В чужом кафе им бы сразу по голове настучали, а тут кто им стучать будет? Сколько я ни разговаривала с самыми главными, сколько они мне ни обещали навести порядок, но в очередной вечер все начиналось заново. Сначала отказались танцевать девочки. И это больно ударило по заведению – гости успели привыкнуть к танцевальному шоу. Потом «крыша» чего-то не поделила с ди-джем, и он тоже отказался работать. Нового найти было сложно, да и разговоры вокруг уже начали ходить.

Однако и этого обормотам показалось мало. В одну из ночей, когда ни меня, ни Киры не было, они оставили молодых официанток после смены, решив продолжить пить в ресторане, чтобы девочки их обслуживали. Потом решили развлечься: поставили бутылки и начали по ним стрелять. А это пристройка дома. Жители вызвали милицию, потом написали жалобу в администрацию. На меня свалились проблемы и с жителями, и с милицией, и с администрацией. А этим все нипочем.

Меня это взбесило. Я пригласила на встречу всех главных вместе и в ультимативной форме потребовала, чтобы больше ни одной шестерки в зале ресторана не было. Их дело стоять снаружи и подключаться в случае наезда «гастролеров». Я заявила, что запрещаю ребятам из бригады сидеть за столиками.

Обслуживать их никто не будет. А если они вдруг решат у нас пообедать, то должны заплатить. Никаких «в долг». Мы им платим. И не наше дело, если их карманы пусты. Я была права, так что возражать мне никто не мог. Но вот обидеться могли.

И шестерки обиделись. Да так, что решили меня проучить. Через два дня у нас была закрытая вечеринка для своих, отмечали Восьмое марта. Мы веселились, танцевали, отдыхали, а когда стали расходиться, то выяснилось, что у меня угнали машину.

Угон машины в те времена не был из ряда вон выходящим событием, их кто только и у кого только не угонял. Мне вспомнилось несколько забавных случаев...

Один раз мы пришли в гости. Нас было три пары. Сидим, болтаем, в лото играем, лето, окна нараспашку, первый этаж. Муж Киры смотрит в окно и говорит: «Кто это у нас тут по ночам разъезжился? Надо же, тачка такая же, как моя». Через десять минут Кира выглядывает в окно и спрашивает мужа: «Слушай, а ты куда свою машину поставил? Ее из-за кустов

не видно». Он подходит к окну и выясняется, что это его машина и отъезжала. Никто даже представить не мог, что на подконтрольной ему территории могут его же тачку тиснуть. Наши мужья полночи по поселку круги наматывали. А спалился парень, который мужу Киры предложил купить по дешевке магнитоу из его же машины. Причем тем же утром. Вот там всем навставляли! А что возмущаться, они делали свою работу. У каждого свои дела...

А вот еще один случай, уже со мной. Мне пригнали с завода новую машину, седьмую модель «Жигулей», их только начали выпускать. Пригнали вечером, а утром я уже на ней покатила по своим делам. У меня была собака боксер Боня, «добрейшей души человек», я его взяла с собой на всякий случай, так как машину я еще не успела показать кому надо, её еще не «прописали». «Прописывали», чтобы своя, местная шпана, не угоняла тачки по ошибке. В поселке я встретила с Кирой, и мы вместе, припарковав машины рядышком, зашли в продуктовый магазин. Стоим в очереди, и я через большое витринное стекло вижу свою собаку – она бежит возле машины так, как будто никто не оставлял ее запертой в салоне. Спрашиваю у Киры: «Кира, это Боня или мне мерещится?», а сама уже вижу, что за рулем моей машины сидит парень.

Мы выскакиваем из магазина, я подбегаю к своей машине, резко дергаю водительскую дверь и столбенею. В автомобиле сидят два парня и с застывшим взглядом смотрят на меня: один, нервно вцепившийся в руль, мой бывший ученик, а рядом с ним – муж моей продавщицы. Это, на минуточку, центр поселка, ментовка рядом, людное место. Угон машины, а тут – куча свидетелей! Их же скрутят в одну минуту, и они даже глазом не моргнут! И вот мой бывший ученик, непонятно кого пытаюсь успокоить, то ли меня, то ли себя, называя меня по имени и отчеству, просит, чтобы я не нервничала, он ведь не знал, что это моя машина. Говорит и смотрит на мою реакцию. За минуту-другую я пришла в себя, приказала им выметаться из машины. Их – из машины, Боню – в машину, сама – за руль. Еду и думаю: «Черт возьми. А я была классной училкой. Вот уже сколько времени прошло, а меня по имени и отчеству помнят». А отчество у меня сложное, не так-то просто его запомнить.

В общем, наши машины угоняли, мы обращались к своим, их находили и возвращали. Но тут угон был показательный. Про ресторан все в округе знали. Чей он, кто его крышует – понимали. Нас на празднике было много и машин было много. Значит, из незнакомых машин гостей ни одна не приглянулась, а из «прописанных» – моя в самый раз? Тот, кто хотел меня проучить, решил, что я сейчас явлюсь на поклон и буду просить найти машину. А я пошла «в бычку» и прилюдно сказала, что если мне к утру не вернут автомобиль, я напишу заявление в милицию. Машину мне к утру не пригнали, а я человек слова, сказала – сделала. Поехала и заявила в милицию по месту угона машины. У начальника, как оказалось, был на пацанов зуб, и он был рад моему заявлению. Для всех это стало чем-то новеньким. Чем-то новеньким стало и то, что меня вызвала на стрелку моя же «крыша». Самый главный, по кличке «Барс», начал просить меня забрать заявление об угоне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.